

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ МОСКВИН
ПИФИЯ

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Москвин

Метро 2033: Пифия

«АСТ»

2017

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Москвин С. Л.

Метро 2033: Пифия / С. Л. Москвин — «АСТ», 2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-982586-9

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Знать свое и чужое будущее – мечта любого. Даже того, кто считает себя главным идеологом Московского метро и координатором всего, что происходит в подземном мире. И вот уже на поиски таинственного прорицателя, способного заглянуть в будущее, отправляется жестокая и безжалостная охотница за головами по прозвищу Гончая. Но наступит ли будущее для обитателей подземных убежищ, если в разных местах по всему метро уже происходят необъяснимые и пугающие явления, а из недр земли упорно прорывается нечто невиданное, подстегиваемое неукротимым голодом и влекомое запахом желанной добычи?

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982586-9

© Москвин С. Л., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

«Детства чистые глазенки...»	7
Прелюдия	8
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Москвин

Метро 2033

Пифия

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

© Д. А. Глуховский, 2017

© С. Л. Москвин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

«Детства чистые глазенки...»

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Может, со мной кто-нибудь и не согласится, но я всегда был убежден, что этот период нашей жизни, который мы называем «детством», буквально напичкан трудностями и ужасами. Конечно, случаются там и радости, и веселье, и даже вспышки ослепительного, безмятежного счастья... Но это, как правило, лишь награда за успешное преодоление тягот и лишений детской жизни.

Разве может быть детство счастливым? Сплошные беды и несчастья. Всякие страшные коклюши – мне при этом слове чудился черный скрюченный стариковский силуэт, крадущийся вдоль стены. Жуткие ангины, когда горло словно натерли наждачной бумагой, а голову сунули в печь. Коварная свинка, только и ждущая, чтобы раздуть твоё лицо до невообразимых размеров... А потом выйдешь на слабых ножках, после болезни, из дома в ноябрьскую утреннюю темень, за руку с мамой, и бредешь в садик... Там все по-прежнему: суетня и толкотня в раздевалке, тошнотворный запах каши, воспитатки вечно орут на всех – которая толстая и с пучком на голове, та больше ревет по-медвежьи, а тощая верещит, точно угодивший в силки заяц. И это еще лишь в том случае, если мы ни в чем не виноваты. Представьте, как они орали, когда мы пробовали разнообразить и скрасить тягучие будни – поджечь украденными из дома спичками ковер в игровой комнате или нарезать красивую бахрому на шторах...

А еще у моего дружка Пыри был набор «индейцев с ковбойцами», ему из Югославии привез кто-то из родни, съездив в командировку. Объемные, в живых и динамичных позах, ярко-разноцветные все, вызывающе ненашенские. А у меня лишь плоские красные витязи и зеленые крестonosцы, из набора «Ледовое побоище». И Пыря, жади́на-говя́дина, никак меняться со мной не хотел. Ну, мы с другим дружком, Дюшей, его отлупили и захваченное богатство справедливо поделили. Радость была недолгой. Дюшу его папаша выпорол ремнем, а меня мои родители на весь день поставили в угол. Там, в углу, я мучительно долго ныл и маялся, ковырял ногтем краску и завидовал давно освободившемуся Дюше. Уж лучше б и меня высекли да отпустили...

Вдобавок ко всему, под кроватью жили Красные Руки, ждали, когда наступит ночь...

Детство – трудное, тяжелое время. И тянется оно, и тянется, и уже кажется, конца края ему не видать...

Да и когда оно, наконец, закончится, легче-то не будет. «Вот вырасту, и тогда!..» Становишься старше и понимаешь, как мало отведено времени, чтобы совершить хоть что-то. Меньше, чем «духу» в армейской столовой на принятие пищи. Хватай и глотай, если вообще успеешь, а уже подадут команды «встать!» и «на выход!» И душа твоя, будто выданная на складе форма – новенькая, чистая, пахнет чуждым этому миру невинным запахом. Так будет недолго. Затаскается, полиняет, пропотеет, сменит сотни подворотничков, изорвется в лоскуты, угодит в окопную жижу, завшивеет, измажется гноем, солярой, кровью, дерьмом... Тогда и начинаешь грустить по былой чистоте, да только не вернуть уже ничего.

Потому и дорожим нашим детством, хотя все мы родом из него и знаем, что почем там.

Потому и смотрим на детей наших, сопящих в кроватках, с пониманием и сочувствием. Нам, выросшим в большинстве своем в мирное время, страшно даже подумать о грядущих (а они ведь грядут, да?) катаклизмах и представить, на что будут обречены наши дети, или дети наших детей.

Остается, как всегда – надеяться на лучшее и готовиться к худшему.

Берегите детей.

Прелюдия

Сны – это картины, которые видят во сне. Я тоже вижу, даже когда не сплю. Вернее, сплю... Не знаю, как это объяснить. Просто вижу. Мои сны очень яркие и всегда цветные. Иногда радостные, чаще страшные. Но сейчас и наяву радости мало. Вот двадцать лет назад, до Страшной Войны, когда люди жили в больших красивых домах, а не под землей, в метро, наверное, все радовались жизни и веселились. Я только не могу понять, почему случилась Страшная Война? Как люди позволили ей начаться, если им было хорошо и радостно жить? Война разрушила города, отравила землю и воду и убила много, очень много людей. А те, кто выжил, спрятались от Войны под землей, в метро, и так и живут здесь.

Мы со старшей сестрой никогда не видели довоенного мира. Она родилась через год после Войны, а я еще позже. Но иногда вижу его в своих снах. Когда под рукой есть карандаш и бумага, мне удастся его нарисовать. Я и рисую во сне. Не знаю, как это происходит, но когда открываю глаза, передо мной лежит готовый рисунок. Сестра говорит, что у меня талант. Ей даже удалось продать несколько моих картин заезжим торговцам. Но есть рисунки, которые я никому не показываю. Они пугают меня, хотя я не понимаю, что там нарисовано. Не понимаю, но догадываюсь.

Это порождение Страшной Войны, бушевавшей на земле двадцать лет назад. Война не только убила множество людей, еще она разрушила силы добра, которые оберегали жизнь на земле! Как только силы добра распались, зло, которое они сдерживали, вырвалось на свободу. Я не знаю, какое оно, но я его чувствую. Чувствую, как оно растет и приближается.

* * *

– Майка, ты опять?! Ночью спать надо, а не картины рисовать.
– В метро всегда темно. Не поймешь, когда день, когда ночь.
– Ночь, когда люди спят. И потом, это только у нас на Маяковской всегда темно, а на других станциях совсем не так. Вот на Белорусской, когда горят все лампы, так светло, что даже глаза слезятся.

– Наверное, это очень красиво, да? Я бы тоже хотела увидеть, хотя бы одним глазком. Тыводишь меня туда?

– Свою. Обязательно свою. Только сначала подрасти немного.
– Почему ты вздыхаешь?! Не вздыхай! Если тебе трудно или тяжело, я подожду. Сколько будет нужно, столько и подожду. Ты же знаешь, мне свет не нужен.

– Знаю. Хотя никак не пойму, как ты в темноте рисуешь? Ладно, показывай, что там у тебя. Погоди, свечку зажгу. Я-то в темноте не вижу... Новый рисунок? Там вдали дома? Это поверхность?

– Наверное, раз дома.

– А это что, железная дорога и вагон на путях? Разве такие большие вагоны бывают? И почему без окон?

– Он не для людей. Для Войны. Там внутри волны огня.

– Волны огня? Не понимаю.

– Я тоже.

– Ох, Майка. Лучше бы нарисовала мамин портрет. Мы бы повесили его в палатке, смотрели на него и представляли, что мама по-прежнему с нами.

– Я очень этого хочу! Очень! Постоянно думаю о маме, вспоминаю, какая она была. А когда пытаюсь нарисовать – не получается.

- Не получается... Других же ты рисуешь. Вот кто эти люди?
- Не знаю. Я их никогда не видела, ни во сне, ни наяву. Только ее. Это она – женщина в маске.
- Та злая женщина, которая тебе приснилась?
- Злая. Но мне все равно ее жалко.
- Странная ты, Майка. Сначала испугалась ее до слез, а теперь жалеешь.
- Да, потому что ей очень тяжело! Я чувствую.
- Ох, милая, кому сейчас легко?..

Глава 1

Выгодный контракт

Гончая открыла глаза. Цепкий, внимательный взгляд мгновенно оценил обстановку.

Как всегда, пробуждение оказалось мгновенным. Первая мысль: «Опасность?!» Даже не мысль – инстинкт! Для мыслей было еще рано – мозг недостаточно проснулся, но мышцы уже напряглись, чтобы сорваться с места, уворачиваться, рвать и кусать. Но уже через мгновение включился мозг, взяв управление телом под свой контроль, и мышцы расслабились. Опасности не было. Во всяком случае, органы чувств, отточенные годами реальных схваток и тренировок, не ощутили ее.

Все верно. Значит, накануне она грамотно выбрала место для сна: с одной стороны, достаточно близко к внешнему блокпосту, чтобы иметь защиту при нападении грабителей или хищных мутантов и своевременно среагировать в случае объявления тревоги, с другой стороны, достаточно далеко от станционной платформы, чтобы местные не заметили ни ее, ни ее маленькую пленницу.

Гончая перевела взгляд на свернувшуюся калачиком малую. Отблески костра, который жгли на блокпосту охранники, почти не рассеивали темноту, но этого «почти» было достаточно, чтобы заметить, как распухшие губы малой слегка подрагивают, а веки и ресницы, на удивление длинные для такой маленькой девочки, испуганно трепещут. Накануне девчонка собственными глазами увидела гибель сестры, заменившей ей отца и мать, – единственного близкого человека, который заботился о ней. Неудивительно, что девчонке снились кошмары. Тем не менее малая спала. Гончая видела это по ее дыханию. Во сне дыхание всегда чуть более расслаблено, это и отличает спящего человека от притворяющегося. Что-что, а притворство Гончая определяла безошибочно. Это было условием выживания в ее профессии. Точнее, просто условием выживания в рухнувшем мире.

Гончая не думала, что пленница уснет после всего, что ей пришлось пережить, и была готова провести с девчонкой бессонную ночь, не спуская с нее глаз. Но та все-таки уснула. Может, так организм малой защищался от обрушившихся на нее ужасов (Гончая как-то слышала от одного книжного червя из Полиса нечто подобное – довольно странный и уж точно бессмысленный, по ее мнению, способ защиты), а может, это усталость и истощение взяли свое, и измученная девчонка попросту вырубилась.

Гончая присмотрелась к своей пленнице. Она уже не раз делала это, но сейчас взглянула по-другому, без мыслей об угрозе, которую могла бы представлять для нее девчонка. Интересно, сколько ей лет? Пять-шесть, не больше. Лицо чумазое, но довольно симпатичное, даже с опухшими и разбитыми в кровь губами. Один из шакалов ударил ее по лицу, когда малая стала слишком громко орать. В общем-то, этого можно было и не делать – никто из обитающих на Маяковской запуганных доходяг не вступился бы за них с сестрой, наоборот, жители станции только еще глубже забились в свои щели, так что малая могла надрываться криком хоть до посинения. Вот второй раз она получила по губам заслуженно, когда укусила за палец того типа, что держал ее. Вряд ли это было проявлением смелости, скорее отчаяния, но Гончая все равно оценила поступок.

Малая была ничуть не крепче и не сильнее своих сверстников с Маяковской, на вид такая же дохлая, как и все прочие обитающие там голодранцы. Но что-то в ней было. И в ней, и в ее сестре. Вон как та бросилась ее защищать. Одна против двух громил. С голыми руками на ножи. Ведь понимала, что убьют, не могла не понимать, а все равно бросилась.

Ее и убили. Хорошо, что сразу. Прежде чем резать девку, эти твари вполне могли попытаться ее изнасиловать, причем прямо на глазах младшей сестры. В любом случае Гончая не

позволила бы им измываться над старшей – психика малой могла не выдержать такого зрелища, а ее рассудок ни в коем случае не должен был пострадать. Стратег особо подчеркнул это, когда формулировал задание. Поэтому, попытайся эти шакалы овладеть сестрой девчонки, пришлось бы валить их прямо на месте. Тогда сорвался бы весь тщательно выстроенный план, а этого Гончей совершенно не хотелось.

К счастью, импровизировать не пришлось. Старшая из сестер, налетев на ножи, умерла быстро и почти безболезненно, что бывает крайне редко. Шакалы в горячке нанесли ей множество колотых ран, но в основном уже мертвому телу. Так что ей, можно сказать, повезло. Сама малая тоже легко отделалась, получив всего пару оплеух. Не считая разбитых губ, ей практически не причинили вреда – убийство старшей сестры не в счет. Стратег останется доволен.

Выбравшись из-под так и не просохшей плащ-палатки, Гончая сделала несколько резких взмахов голыми руками, чтобы разогнать кровь по жилам и немного согреться. Застиранная рубашка, которую она для просушки развесила на торчащих из стены туннеля железных кронштейнах, конечно, еще не высохла. Тем не менее ее придется надеть, чтобы не выделяться из толпы челноков, следующих на станцию. Человек, одетый не так, как остальные, поневоле привлекает к себе внимание.

Малая беспокойно заворочалась под плащ-палаткой, но не проснулась. Гончая протянула руку, чтобы разбудить спящую девочку, но в последний момент передумала. К чему? Спешить некуда. Впереди у них долгий путь, но закончится он только тогда, когда малая станет полностью доверять своей спутнице. Или пока одна из них не умрет. По собственному опыту и по многочисленным рассказам обитателей агонизирующего подземного мира Гончая знала, что это может случиться в любой момент. Без ее защиты и помощи шестилетней сироте в Московском метро попросту не выжить.

Она снова взглянула на сжавшуюся в комок пленницу. Во взгляде не было ни любви, ни ненависти. Ни того, ни другого малая не заслужила. «Пусть спит. Чем дольше проспит, тем больше успокоится».

Последнее утверждение вызывало у Гончей серьезные сомнения. Судя по напряженной позе девочки и по тому, как она беспрестанно вздрагивала во сне, ей вряд ли снилось что-то хорошее.

* * *

Шум за стенками палатки. Шорох. Угрожающий. И голоса:

– Здесь, что ли?

– Да-да. Давай резче!

Страшные голоса.

Майка вздрагивает.

– Что ты, котенок? – Сестра удивленно смотрит на нее, еще ничего не понимая, придвигается ближе, пытается обнять, но не успевает.

Свисающий полог палатки отброшен в сторону чьей-то грубой рукой, и внутрь просовывается вытянутая, словно сплюснутая с двух сторон, голова с прилипшими к вискам сальными волосами.

– Ну?! – раздается снаружи.

– Ни черта не вижу, – отвечает заглянувший в палатку человек. – Посвети.

У него заросшее щетиной лицо, мечущийся по сторонам взгляд и кривые желтые зубы.

– Что вам надо? Сейчас же уходите! – Сестра тоже напугана, хотя и старается этого не показывать. Но на ее крик никто не обращает внимания.

Мужские руки снова вцепляются в палатку, изношенная ткань с треском рвется. Теперь Майка полностью видит этих пугающих людей. Их двое. Худые, высокие, с бледными, перекошенными злобой лицами. И они ее тоже видят, один из них указывает на девочку.

– Эта, что ли?

Второй вместо ответа дергает головой. У него длинная, худая шея, покрытая множеством мелких гноящихся прыщей.

– Поищи картинки! – приказывает он. – У той должны быть картинки.

Майка ничего не понимает. Но страшный человек, который их почему-то узнал, наклоняется и тянется к ней. Сестра отталкивает его руки и кричит:

– Майка, беги! На помощь! Люди! Помогите!

Майка хочет убежать, но не может. Ноги запутались в солдатском одеяле, которым они с сестрой укрываются от холода. И потом, она и не знает, куда бежать, не понимает, как можно оставить сестру.

– Заткнись, – рычит человек с прыщами на шее. – Закончим с мелкой, тобой займемся.

В его руке внезапно появляется нож. Огромный нож с широким и длинным лезвием! Сестра тоже видит нож. Она вскакивает на ноги и бьет того, кто хотел схватить Майку, рукой по лицу. Рука безоружна, слаба, но человек отскакивает в сторону, зажимая ладонью алые борозды от ногтей на щеке.

– Все, тварь! Тебе конец! – Человек с оцарапанным лицом тоже выхватывает нож.

– Прочь! Пошли прочь!

Сестра и страшный человек бросаются друг другу навстречу. Стальное лезвие мелькает у Майки перед глазами и... исчезает. В первый миг Майка не может понять, куда оно делось. А потом страшный человек уже выдергивает нож из груди ее сестры. Несколько капель крови срываются с него и падают Майке на лицо. Девочка вскрикивает, но страшного человека это не останавливает, и он еще раз бьет сестру своим черным и липким ножом, еще и еще... К нему присоединяется второй, и они уже вдвоем начинают остервенело кромсать ножами залитое кровью хрупкое тело.

Майка не может этого вынести и закрывает глаза.

– Мама! – раздается в темноте ее отчаянный вопль.

Мама умерла четыре года назад, когда Майке не было и двух лет. Но больше не к кому обратиться и некого сейчас позвать на помощь. Она осталась совсем одна. Сестры больше нет. Даже с зажмуренными от ужаса глазами Майка знает это совершенно точно.

– А ну, заткнись!

Кто-то из убийц бьет Майку по лицу. Из расквашенных губ брызжет кровь, а голова взрывается вспышкой боли, но Майка продолжает кричать.

– Заткнись, я сказал!

Грубая, шершавая ладонь зажимает ей рот. Майка открывает глаза, видит, как один из убийц роется в разбросанных по полу вещах, а позади него... Майка не хочет туда смотреть и все равно смотрит. Там лежит ее сестра, холодная и неподвижная – мертвая.

Майка бьется в чужих руках, но руки сильнее. Она не может вырваться и тогда в отчаянии впивается зубами в зажимающую рот ладонь. Злоба и ненависть к убийцам придают ей сил. Зубы прокусывают грубую кожу и вгрызаются в плоть.

Возмущенное ругательство. Убийца не ожидал такого поворота. Его ладонь на мгновение отлепляется от Майкиного рта, но лишь для того, чтобы снова хлестким ударом обрушиться на ее лицо. Голова гудит, а перед глазами одна за другой расплываются жирные черные кляксы.

Последнее, что успевает услышать и разглядеть Майка, прежде чем сгущающаяся чернота окончательно засасывает ее, это радостное восклицание роющегося в вещах убийцы:

– Во, нашел! – И он, повернувшись к своему напарнику, трясет в воздухе смятой пачкой рисунков.

* * *

Гончая уловила момент пробуждения пленницы незадолго до того, как та открыла глаза, заметила по тому, как дыхание малой изменилось, вздохи стали короче. Для Гончей этого оказалось достаточно, чтобы понять: девчонка сейчас проснется. И тут же повернулась к пленнице спиной, не оглядывалась, даже когда почувствовала на себе ее внимательный взгляд. Малая должна была первой заговорить: задать вопрос или попросить о чем-нибудь. Сама просьба значения не имела. Главное, чтобы девчонка с первого дня ощутила зависимость от своей спутницы. Это было важно для правильных отношений, сразу принять, кто среди них главный. Но пауза затягивалась, малая упорно молчала.

Наконец, когда у Гончей уже заканчивалось терпение и дальше изображать, что она копается в пустой торбе, стало просто глупо, вопрос все-таки прозвучал. Но совсем не тот, какой женщина ожидала услышать от пленницы.

– Зачем я тебе?

Когда они впервые встретились лицом к лицу, малая тоже повела себя неожиданно...

* * *

Убедившись, что шакалы схватили кого нужно, Гончая спрыгнула с платформы и вернулась в туннель. Она двигалась совершенно бесшумно в сгустившейся тьме, не было сейчас при себе фонаря, поэтому ее присутствие на Маяковской осталось для всех незамеченным. Даже сами шакалы не подозревали, что за ними наблюдают из темноты.

Как и рассчитывала Гончая, поиск рисунков малой занял у похитителей какое-то время, это позволило ей полностью подготовиться к встрече. Когда похитители возвратились в туннель со своей добычей, она ждала их в условленном месте со связанными руками и ногами и кляпом во рту. Узлы на веревках были фальшивыми, лишь кляп настоящим, и на избавление от пут Гончей понадобилось бы менее секунды. Жаль только, что малая, на которую все это и было рассчитано, не смогла оценить ее стараний, так как пребывала в отключке.

Первым в туннеле появился Прыщ, так про себя называла Гончая шакала с изъеденной фурункулами шеей. Другой за слипшиеся и свисающие жирными сосульками волосы получил у нее прозвище Патлатый. Прыщ нес бесчувственную девчонку, перекинув ее обвисшее тельце через плечо, как полупустой мешок. Следом шагал его напарник с торчащей из-за пазухи пачкой детских рисунков. Бумагу следовало аккуратно свернуть и убрать в заплочную торбу, которой специально снабдила шакалов Гончая. Но этот идиот поступил, как ему казалось проще!

Прыщ стряхнул свою ношу на землю и принялся связывать пленнице руки. Закончив с этим, вынул из кармана грязную тряпку, скрутил ее в плотный комок и уже собирался засунуть девчонке в рот, но перехватив взгляд Гончей, спрятал в карман. Не сразу и неохотно, но все-таки спрятал. Пока шакалы еще повиновались, потому что надеялись получить от нее щедрую плату за свою работу, опытная Гончая не питала иллюзий, что их верность продлится долго. И бунт мог вспыхнуть в любой момент.

– Чего разлеглась? П-шла! – прикрикнул на нее Прыщ и, чтобы подтвердить серьезность своих намерений, въехал ботинком под ребра.

Он бил от души, как и следовало для реалистичности спектакля. Но Гончая успела перевернуться на бок, и удар пришелся вскользь. Тем не менее она замычала якобы от боли и принялась неистово кивать на обмотанные веревками ноги. После столь интенсивной пантомимы до безмозглого идиота наконец дошло, что она не может идти со связанными ногами.

Пока Прыщ возился с веревками, распутывая узлы, малая пришла в себя. Гончая не отследила этого важного момента, но когда на миг обернулась к лежащей рядом маленькой

пленнице, встретила с ее пристальным взглядом. Они смотрели друг другу в глаза лишь несколько секунд, и этого времени Гончей оказалось достаточно, чтобы понять: эти глаза малой ей не нравятся. В них плескались страх, боль и отчаяние. Но помимо этого Гончая увидела еще и презрение! Потом шакалы рывком подняли ее с земли, и взглядом они больше не встречались, зато остался вопрос: почему малая смотрела с презрением не на похитителей и убийц сестры, а на связанную молодую женщину, которую увидела первый раз в жизни?

Вслед за Гончей малую тоже поставили на ноги, и Прыщ, окончательно взявший на себя роль предводителя, подтолкнул пленниц в сторону Белорусской.

– Шагайте вперед!

– Как думаешь, сколько мы за них получим? – поинтересовался Патлатый.

– Сколько ни дадут, все наше будет, – хихикнул Прыщ.

Такой диалог заранее не оговаривался. Это была личная импровизация Патлатого, но импровизация удачная. Его вопрос и ответ Прыща должны были лишний раз убедить похищенную девчонку, что ее спутница такая же пленница неизвестных бандитов, как и она сама.

Гончая снова искоса взглянула на малую, та шагала с отрешенным видом, уставившись под ноги.

«Почему она не кричит, не сопротивляется и не пытается убежать? – пришла неожиданная мысль. – Смирилась со своей участью? Или здесь что-то другое?» Гончая этого не знала, но необычное поведение девочки вызывало у нее беспокойство.

Какое-то время они шагали молча, чему Гончая только радовалась. Ей надо было подумать. А потом малая неожиданно спросила:

– Куда вы меня ведете?

Естественный вопрос. Рано или поздно девчонка должна была его задать. Вот только Гончей показалось, что малая обращалась не к шакалам, а к ней.

Прыщ с Патлатым проигнорировали вопрос, лишь ехидно переглянулись между собой. Гончая из-за кляпа во рту при всем желании не смогла бы ответить. А малая, безусловно, видела кляп!

«Так, выбрось все мысли относительно догадливости девчонки! – приказала себе Гончая. – Выбрось и забудь! Ничего она не подозревает и ни о чем не догадывается, потому что не с чего ей подозревать!»

«Если только она не знает, что кляп – такая же бутафория, как связанные руки», – мелькнула в мозгу предательская мысль.

«Кляп настоящий! – возразила себе Гончая, но тут же поправилась: – Только вытащить его ты можешь за секунду».

Гончую всегда отличали отменная реакция и быстрота принятия решений. Без этого она никогда не превратилась бы в лучшую охотницу за головами во всем Московском метро, а оставалась прозябать в нищете, как ее старая и больная мать, доживающая на Театральной свои последние дни. Но необъяснимое поведение маленькой пленницы поставило ее в тупик. Уже давно Гончая не оказывалась в ситуации, не имеющей однозначного решения, как поступить, а сейчас был именно такой случай. Лишь одно не вызывало сомнений. Независимо от того, догадалась о чем-либо малая или нет, но разыгрываемую перед ней постановочную комедию следовало заканчивать, уж точно первый акт этого представления. И чем скорее, тем лучше.

* * *

– Зачем я тебе?

Женщина медленно обернулась, в Майку уперся холодный и острый взгляд. Это тоже был обман, ее неторопливость, Майка до встречи с этой женщиной и не подозревала, что человек может так быстро двигаться.

Незнакомка напомнила Майке кошку, которая какое-то время жила у них на станции. Никто не знал, откуда она появилась и куда потом пропала. Много раз ее хотели поймать, но зверек оказался умным и никого к себе не подпускал. Наверное, кошка понимала, что если попадется людям в руки, ее непременно съедят. На Маяковской, где не брезговали есть даже мох, соскобленный с камней, ценили любое мясо, а уж крыса это или кошка – не важно. В отличие от своих соседей Майка никогда не пыталась поймать кошку, и та, видимо в благодарность за это, иногда позволяла Майке подолгу наблюдать за собой. Особенно интересно было смотреть, как кошка ловит крыс. Она делала это очень ловко, без труда справляясь даже с самыми большими. Запрыгивала крысе на спину, вонзала зубы в загривок, и через мгновение огромная крыса была уже мертва. Вот и эта женщина выглядела точь-в-точь как изготавившаяся к броску кошка. Все ее движения были по-кошачьи плавными, текучими и совершенно бесшумными, зубы такими же острыми и крепкими, а глаза будто принадлежали уверенной в собственной силе и ловкости безжалостной хищнице, только без вертикальных зрачков.

– Ты мне? – спросила у девочки женщина-кошка. Майка уже заметила, что когда женщина не знала ответа или не хотела говорить правду, то всегда переспрашивала. – Действительно, зачем?

Кошка прожила на Маяковской около месяца, а потом бесследно исчезла. Соседи предположили, что ее саму загрызли крысы, но Майка не верила им. И сейчас, взглянув в глаза сидящей напротив женщины, она снова подумала, что крысы не смогли управиться с кошкой. Для этого нужен более крупный и опасный зверь.

– Есть хочешь? – спросила женщина-кошка.

– Я пить хочу, – призналась Майка.

Женщина поджала губы. Майка отметила, что у нее очень подвижный рот, зато выражение глаз никогда не менялось. Что бы ни говорила эта незнакомка, ее глаза всегда оставались холодными и безразличными.

– Тогда придется потерпеть, пока не попадем на станцию. Эту воду, – она указала на лужу, в которой перед сном застирывала забрызганную кровью одежду, – лучше не пить.

В руках женщины-кошки откуда-то появился пакетик с сушеными грибами, Майка даже не заметила, когда она достала его из своей холщовой сумки. Женщина выбрала понравившийся гриб, забросила его в рот, принялась лениво жевать и протянула пакет Майке.

– На, подкрепись.

Девочка оттолкнула протянутую руку, хотя голод мучил все сильнее.

– Почему ты не уходишь? – сердито спросила она. – Твоя одежда уже высохла.

* * *

Когда спутницы добрались до Белорусской, женщина уверенно прошла мимо сторожевого костра, даже не взглянув в сторону расположившихся там дозорных, но неожиданно для Майки остановилась у самой платформы.

– Слишком яркий свет, – произнесла она загадочную фразу и, не дав девочке опомниться, потащила ее с путей куда-то в сторону.

Там из сочленения тубингов сочилась вода, отчего на дне туннеля образовалась довольно большая лужа. Чтобы не размывало пути, жители Белорусской обложили лужу со всех сторон мешками с песком.

– Здесь переждем. Располагайся, – объявила Майке женщина-кошка и зачем-то принялась стаскивать верхнюю одежду.

– Что ты делаешь? – удивилась Майка.

– Надо привести себя в порядок, – невозмутимо ответила та. – Да и тебе не мешало бы умыться.

Она сбросила брезентовую накидку, которую носила вместо плаща, вслед за накидкой сняла рубашку, оставшись в узкой майке без рукавов, открывающей ее голые руки и мускулистые плечи, и начала умываться.

– Почему ты не пошла дальше?

Женщина не торопясь вымыла в луже руки, внимательно осмотрела со всех сторон ладони и погрузила в воду свою рубашку.

– Сейчас на станцию лучше не соваться, – наконец-то ответила она. – Видела охранников на платформе? Они проверяют документы у всех проходящих, а у меня их нет.

– На Белорусскую пускают и без документов, – возразила Майка. – Моя сестра ходила сюда на заработки.

– Пускают. Но всех беспаспортных обыскивают и досматривают, а я, если ты помнишь, недавно сильно испачкалась. А в окровавленной одежде охранникам лучше не попадаться.

Женщина вынула из лужи рубашку, отжала, потом встряхнула, критически взглянула на рукава и принялась снова полоскать ее.

– Что они сделают?

– В клетку посадят, – безразличным голосом ответила женщина-кошка. – А если лень разбираться, могут и сразу пристрелить.

Майка попыталась представить ее за решеткой и не смогла. Эта женщина скорее умрет, чем позволит запереть себя в клетке.

После третьего споласкивания женщина решила, что ее рубашка достаточно отстиралась. Она развесила ее на железных скобах, торчащих из стены туннеля, и взялась за брезентовую накидку.

– Ты поэтому сказала про свет, – вспомнила Майка ее загадочную фразу. – Поняла, что при свете ламп охранники увидят кровь.

– Соображаешь, – женщина-кошка одобрительно усмехнулась. – Но все равно лучше идти не поодиночке, а в группе. Когда много народа, охранники спешат, досматривают уже не так внимательно, да и вопросов задают меньше. Сейчас народа на платформе немного, да и челноков нет, но скоро начнут подтягиваться. Белорусская-радиальная, конечно, не такая процветающая, как ее «близняшка», принадлежащая Ганзе, но все равно станция весьма богатая, сюда со всего метро торгаши тянутся. Вот мы и пройдем вместе с ними. Подождем. Да и одежда моя как раз просохнет. Ты пока можешь подремать, если хочешь.

– Не буду, – хмуро ответила ей Майка, но все-таки уселась на землю, прижалась спиной к набитым песком мешкам и закрыла глаза.

* * *

Когда до Белорусской, по прикидкам Гончей, оставалось около семисот метров, впереди показались отблески пламени.

«Сигнальный костер? Но пламя подозрительно раскачивается из стороны в сторону. Нет, на костер не похоже».

Никто, кроме Гончей, не заметил огненных бликов, хотя непривычные к туннелям шакалы настороженно вглядывались в темноту. Они прошли еще десять шагов. Целых десять шагов! Лишь тогда ковыляющий слева от Гончей Патлатый дернул Прыща за рукав.

– Эй, глянь. Чего это там впереди?

«Факел», – мысленно ответила Гончая. Еще она могла добавить, что навстречу движутся два человека, судя по походке, немолодой мужчина и женщина или подросток, но промолчала.

Прыщ погасил фонарь, которым освещал себе путь, и несколько секунд пялился на мерцание приближающегося факела.

– Вроде бредет кто-то, – наконец неуверенно сказал он. – Зашухериться надо.

– А куда? – Патлатый растерянно оглянулся.

Совсем недавно они миновали глухой бетонный тупичок, около полутора метров глубиной, где прежде располагались силовой щит с несколькими рубильниками и ныне раскуроченная распределительная коробка. Там вполне можно было укрыться, но шакалы, видимо, уже напрочь забыли об этом тупичке или попросту не заметили его.

Прыщ недовольно пожевал губами. Гончая живо представила, как мечутся у него в мозгу ускользающие мысли. Наконец мыслительный процесс завершился, потому что шакал снова зажег свой фонарь.

– Значит, так! – объявил он. При этом правая рука бандита скользнула к поясу и выхватила висящий на нем нож. – Сейчас тихо идем вперед. И чтобы ни звука мне. Ясно? Иначе сразу прирежу.

Он угрожающе помахал клинком перед глазами пленниц. Малая ничего не ответила, а Гончая согласно кивнула.

На этот раз вперед выступил Патлатый. Гончая поняла, что Прыщ отвел себе роль замыкающего. Она выждала, когда тот окажется за спиной, и, развернувшись, ударила его коленом между ног. Прыщ сложился пополам, как перочинный нож, вытаращил глаза и захрипел. Электрический фонарь упал на землю, но не разбился, лишь откатился в сторону. А нож Гончая сама легко выхватила у него и, взмахнув связанными руками, чиркнула лезвием по прыщавому горлу. Хрип повторился, но на этот раз к нему добавился булькающий звук крови.

Прыщ еще шатался на подгибающихся ногах, а Гончая уже развернулась к Патлатому. Он тоже начал поворачиваться, привлеченный странными всхлипами напарника, но не успел и осознать, что происходит, потому что нож, который Гончая сжимала в руках, вонзился ему в основание шеи. Оба тела повалились на землю практически одновременно. Но задача не ограничивалась расправой с похитителями, нужно было еще многое сделать, а времени оставалось в обрез. Через минуту-другую приближающиеся путники с факелом обнаружат лежащие на путях трупы. Гончая перевела взгляд на малую. Та смотрела на нее выпученными глазами, часто и глубоко дышала, открывая рот, словно только что вытщенная из воды рыба.

– Подбери фонарь, – приказала она.

Спутница молча повиновалась. Уже хорошо.

– Свети сюда. Держи нож. Теперь режь мою веревку.

Гончая могла освободиться и без посторонней помощи, причем гораздо быстрее. Последнюю команду она отдала исключительно ради самой девчонки, чтобы та не попыталась сбежать. Ищи ее потом. К тому же любое соучастие сближает, а ей непременно нужно сблизиться с малой.

Девчонка, видно, никогда не держала в руках ножа. Гончая еле дождалась, когда та перепилит стягивающую ее запястья веревку, после чего сняла с шеи Патлатого одолженную шакалам холщовую торбу и принялась набивать ее содержимым их карманов.

– Зачем? – раздалось за спиной. Первый страх прошел, и малая решила заговорить.

– Что зачем? – не прерывая своего занятия, спросила Гончая.

– Зачем ты их убила? Зачем тебе их вещи?

– Вещи, чтобы продать. А зачем убила... Сама догадайся.

Шакалы, специально нанятые ею для одноразовой грязной работы, были обречены с самого начала. Убийство похитителей должно было сделать Гончую спасительницей в глазах маленькой пленницы. Но сделало ли?

– Они хотели меня продать, а тебя убить и ограбить, – неожиданно сказала девочка.

Гончая на мгновение замешкалась. Она не исключала такого варианта и была готова к нему.

«Но откуда малая может знать истинные планы шакалов?! Над всеми странностями поведения девчонки нужно будет как следует поразмыслить. Не сейчас – позже. Сейчас на это нет времени».

Опустошив карманы похитителей, Гончая побросала все, что там нашла, в дорожную торбу, а рисунки малой, извлеченные из-за пазухи Патлатого, пристроила сверху. Кроме пары выточенных из напильников самодельных ножей да подобранного малой аккумуляторного фонаря у шакалов не оказалось при себе ничего стоящего. За остальное барахло не выручить и нескольких патронов. Нищий, голодный сброд. Неудивительно, что они с такой жадностью схватились за предложение похитить девчонку.

Гончая наняла их на Новокузнецкой, считавшейся вместе с двумя смежными станциями настоящим бандитским притоном. Там всегда было полно разного отребья, готового за плату зарезать собственную мать, но именно такие жадные и беспринципные исполнители требовались ей для предстоящего дела.

Из туннеля со стороны Белорусской уже донеслись неразборчивые голоса. Ходоки приближались. Пора было убираться, они с малой и так задержались.

– Вытяни руки, – приказала пленнице Гончая и, когда та послушно протянула ей связанные запястья, перерезала веревку одним резким движением. – Пошли. Держись рядом со мной и ничего не бойся.

Но упрямая девчонка не сдвинулась с места.

– Я хочу домой, – всхлипнула она. Гончая поняла: еще пара всхлипов, и малая разревется навзрыд.

– Домой, на Маяковку? Кто у тебя там: отец, мать?

– Никого, – промямлила девочка.

– Тогда что ты там забыла? – искренне удивилась Гончая. – Снова отловят и продадут в бордель или вообще сожрут с голодухи.

Она ничуть не кривила душой. В метро судьба любой сироты-малолетки была незавидна, особенно на нищих станциях вроде Маяковской, и малая, скорее всего, и сама догадывалась об этом.

– В общем, так, – отрезала Гончая. – Доведу тебя до Белорусской, а дальше можешь идти куда хочешь.

Малая снова всхлипнула, но, поколебавшись, все-таки последовала за ней. Теперь, когда девчонка сделала выбор, нельзя позволять ей передумать. Гончая ускорила шаг, но вынуждена была притормозить, потому что плетущаяся следом малая не поспевала за ней.

Встреча с ходоками прошла без осложнений, хотя они встретились всего в двадцати шагах от лежащих на путях трупов. Но пламя горящего факела не разгоняло мрак настолько далеко, а свой фонарь Гончая предусмотрительно забрала у малой и заранее погасила. Ходоков оказалось двое, Гончая не ошиблась, пожилой мужчина в ушанке и рваном ватнике держал в руке факел, и за ним топталась замотанная в длинную шаль женщина неопределенного возраста со связкой пустых плетеных корзин разных размеров. Завидев незнакомцев, мужчина и его спутница прижались к стене и не шевелились, пока Гончая с малой не прошли мимо. Они до смерти перепугались и не напрасно. Незнакомку, повстречавшуюся им в туннеле, следовало бояться.

Страхи ходоков полностью подтвердились, когда они набрели на свежие трупы.

– Ой, батюшки! Покойники! – огласили туннель всполошенные крики обладательницы плетеных корзин.

– Заткнись, дура! – сердито прикрикнул на нее мужчина, и женщина тут же замолчала.

Она оказалась не только трусливой, но и сообразительной.

* * *

Гончая с любопытством разглядывала маленькую пленницу. Отчего-то малая разозлилась на свою спасительницу. Но отчего?! А ее вопрос: «Зачем я тебе? Почему ты не уходишь?» Похоже, девчонка всерьез хочет, чтобы женщина, вырвавшая ее из рук похитителей, ушла.

«Не дожدهшься, – мысленно усмехнулась Гончая. – Я не для того искала тебя по всему метро, чтобы сейчас сдать и уйти».

Найти девчонку оказалось сложнее, чем двух шакалов, необходимых для ее похищения. Если бы не случайная встреча в перегоне между станциями Войковская и Сокол, Гончая так бы и бродила по метро, пытаясь напасть на след автора таинственных рисунков. Но через несколько дней бесплодных поисков ей наконец повезло.

Шагая по туннелю, она нагнала торгашей-мешочников, из тех, что в одиночку или группами мотаются от станции к станции, выменивая на еду и выпивку, а если повезет, то и на патроны, свой нехитрый товар. Такие приходящие торговцы не имели насиженного места и постоянно курсировали между станциями, оттого их еще называли челноками. Купцов этих оказалось трое: невысокий, но плотный, крепко сбитый мужик лет сорока пяти и с ним двое молодых парней, по возрасту вполне годящихся ему в сыновья. Поначалу Гончая так и предположила и лишь позже поняла, что парни не сыновья и даже не торговцы, а всего лишь носильщики, нанятые хозяином за несколько патронов, чтобы таскать мешки с барахлом. Сам коммерсант тоже не отлынивал от работы и нес за плечами пухлый, туго набитый рюкзак.

Он шагал последним, держась за спинами носильщиков, очевидно, считая это место самым безопасным. И ошибался, чаще всего грабители нападали на торговые караваны именно с тыла. К тому же челноки оказались невнимательными, никто из них не заметил, что следом идет незнакомая женщина, хотя Гончая шагала, совершенно не скрываясь. Чтобы не испугать мешочников своим внезапным появлением, она сделала вид, что оступилась, да еще и вскрикнула «от боли».

Мужик с рюкзаком, замыкавший цепочку, поспешно развернулся на звук, но, увидев перед собой одинокую женскую фигуру, сразу успокоился.

– Эй! Стой на месте! – строго сказал он. – Кто такая?!

В руках торговец держал короткую двустволку с отпиленными стволами – неплохое оружие для ближнего боя, но лишь при условии быстрой перезарядки. Окинув его опытным взглядом, Гончая сразу поставила под сомнение его умение владеть обрезом. Судя по тому, что стволы ружья смотрели не на нее, а всего лишь в ее сторону, челноку редко приходилось использовать свой дробовик по прямому назначению. Скорее всего, оружие служило лишь средством устрашения его носильщиков и конкурентов. Спутники челнока и вовсе не были вооружены. Даже ножом! Поразительное безрассудство!

Все же Гончая не расслаблялась, готовая в любой момент нырнуть в темноту, исчезнув из круга света коптящей масляной лампы, которую направил на нее один из парней-носильщиков. А ее опущенная к бедру и прикрытая полой армейской плащ-накидки правая рука сжимала рукоятку взведенного «макарова» с навинченным на ствол кустарным, но эффективным глушителем. Даже из такого неказистого на первый взгляд пистолета Гончая могла за несколько секунд выпустить все восемь пуль, уложив их в круг, размером с доннышко стеклянной бутылки. При желании или в случае хоть малейшей опасности для нее она могла перестрелять всех троих за те же несколько секунд, но никто из стоящих перед ней мужчин, конечно, не догадывался об этом.

Гончая хорошо знала, как выглядит в их глазах. Молодая женщина, закутанная в потертую армейскую плащ-накидку. Впрочем, растрепанные волосы, чумазое лицо и тусклое освеще-

щение должны прибавить к ее возрасту еще пяток лет. Так что челноки вряд ли сочтут повстречавшуюся им на пути незнакомку такой уж молодой.

– Гм, с Сухаревки я, – добавив в голос соответствующей образу хрипотцы, невпопад ответила Гончая.

– Далеко забрела, – усмехнулся мужик с дробовиком. – А идешь куда?!

Ружье опустилось – очевидно, предыдущий ответ вполне удовлетворил его.

– Туда, – «бродяжка» махнула левой рукой в сторону Войковской. Правая по-прежнему цепко сжимала рукоятку пистолета, хотя Гончая была почти уверена, что на сей раз оружие не понадобится.

– Можно с вами? – робко спросила она.

– Ишь ты, – челнок покачал головой и окончательно опустил ружье. – А что ты умеешь? «Ты даже не представляешь!»

Она действительно умела такое, на что во всем Московском метро были способны лишь единицы. И даже еще кое-что сверх этого. Но торговцам ни к чему лишняя информация. Даже всемогущий Стратег, мнивший себя координатором и невидимым кукловодом обитаемой части подземного мира Московского метро, даже он не все знал о ней. Многого не знал. А уж остальные и подавно.

Но челнока интересовало другое.

Гончая оценивающе взглянула на мужика. Внутреннее чутье подсказывало, что она не заинтересовала его как женщина. Да и на Войковской, последнем прибежище идейных анархистов, куда направлялись челноки, полно разбитных веселых девиц, среди которых наверняка найдется пара-тройка таких, которые за стакан самогона и дармовую жрачку охотно скрасят одиночество усталого путника как за столом, так и в постели. Значит, вопрос задан просто для порядка и без какой-либо задней мысли. Точнее, с единственной целью – обозначить его главенствующее положение и ее зависимый статус. Поэтому отвечать надо соответствующе.

– Что велят, – Гончая неопределенно пожала плечами и снова попала в цель.

– Ладно, топай, – великодушно разрешил мужик, потом повернулся к носильщикам и грозно прикрикнул: – Ну, чего вылупились?! Пошли, пошли! Я вас дармоедов за просто так кормить не буду.

Нагруженные мешками парни молча двинулись вперед, а Гончая присоединилась к отставшему на несколько шагов торговцу. Тот не возражал.

Спутник ли оказался разговорчивым или это встреча с незнакомкой так развязала ему язык? К тому же он понятия не имел о разведдопросе. Задав лишь несколько безобидных на первый взгляд вопросов, Гончая выяснила, кто он и откуда, где успел побывать, как давно челночит и что именно несет на продажу.

– Да какая нынче торговля, – удрученно вздохнул мужик через несколько минут разговора. – Обнищал народ. Я вот на днях на Маяковской был. Так там, не поверишь, лишь одна деваха коробку цветных карандашей для младшей сестренки купила, а остальные вообще ничего.

В мозгу Гончей прозвенел тревожный сигнал: «Цветные карандаши для младшей сестренки!»

– Что за деваха? – с напускным безразличием спросила она.

– Обычная, из местных. Но видно, любит сестру. По мне так лучше бы жратвы купила себе и ей, а та, видишь, карандаши хочет! Еще рисунки на обмен предлагала. На первый взгляд вроде детские каракули, а приглядишься, ничего так нарисовано. Только на кой они мне – их же не продашь. Кому они сейчас нужны, рисунки эти?

«А Стратегу зачем-то понадобились».

Торговец много чего еще наговорил, до самой Войковской болтал не закрывая рта. Гончая умело поддерживала разговор, но слушала его в пол-уха. Мысленно она уже была на Маяковской.

* * *

Женщина-кошка сняла со стены туннеля развешанную рубашку, надела и принялась застегивать пуговицы. Майка терпеливо ждала. Заправив рубашку в свои широкие штаны, женщина-кошка набросила накидку и стянула тесемками под горлом.

«Не ответит», – решила Майка и ошиблась.

– Я уйду, – сказала женщина-кошка. – Мне есть куда идти. А вот тебе, – ее указательный палец нацелился Майке в лоб, – некуда!

На какой-то миг Майке показалось, что это не палец, а ствол пистолета и что женщина-кошка сейчас застрелит ее. Но тут губы женщины сложились в улыбку, и жуткое ощущение исчезло.

– Так что, кончай дуться, – сказала она. – Давай поднимайся, и пошли. Чая горячего выпьем, а то я пока спала, так замерзла.

От упоминания о чае у Майки заурчало в животе. Чай! Она и не помнила, когда в последний раз пила настоящий грибной чай. Последнее время они с сестрой пили только вскипяченную воду, которая почти всегда пахла гнилью. Когда вода была особенно противной, сестра улыбалась и ободряюще говорила: «Ничего, вот разбогатеет и выпьем настоящего чая».

Майка вдруг почувствовала, что по ее щекам текут слезы. Она размазала их ладошкой по лицу и недоверчиво пробормотала:

– Ты правда купишь мне чая?

И тут что-то произошло. Холодные глаза женщины-кошки сверкнули каким-то особенным образом, словно огненные искры расплавили льдинки в ее зрачках.

– Правда, – ответила она.

Майка вскочила на ноги и, больше не пытаясь запугивать саму себя словами и поступками женщины-кошки, которые непрошенно всплывали в воображении, бросилась к ней, уткнулась лицом в грудь и крепко обхватила обеими руками.

* * *

А молодая женщина в наброшенной на плечи армейской плащ-палатке с высоты своего роста смотрела на прижавшуюся к ней детскую головку со спутанными жиденькими волосенками и смешной, похожей на запятую, макушкой, смотрела и чувствовала, как что-то чужое и непривычное пробуждается у нее внутри. И одновременно с этим незнакомым чувством трещат выкованные ею невидимые доспехи. И уж совсем неожиданно откуда-то пришла безумная мысль: «А может, ну его, этого Стратега?»

Глава 2

Знакомство

– Сколько за это дашь?

– Вали со своим хламом отсюда. Ищи лохов в другом месте. Мне такое старье без надобности. – Торговец небрежно смахнул на пол барахло, которое Гончая выложила на край его самодельного прилавка. Он пока не повышал голоса, но был близок к этому.

Расположившиеся рядом лоточники одобрительно загудели. На базаре Белорусской ни расплзающийся по швам пустой кисет, ни стершееся кресало, ни пара использованных пластиковых ружейных гильз для дробовиков двенадцатого калибра, найденные Гончей в карманах зарезанных шакалов, никому были не нужны. Здесь торговали добротным товаром, и цены были соответствующие. У малой просто глаза разбегались, когда они проходили мимо прилавков.

– Это что, все в метро делают? – обомлев от невиданного изобилия вокруг, шепотом спросила она.

Гончая пожала плечами.

– Что-то с поверхности притащили, а остальное, конечно, в метро. Не отвлекайся. Нам еще наши крохи на патроны как-то обменять надо, иначе мы с тобой чая так и не попробуем.

Но торговец, которому Гончая попыталась сбыть свои никчемные трофеи, оказался тертым калачом и прогнал ее. Добыть еду, одежду, патроны и даже оружие для Гончей не составляло труда, но не хотелось показывать девочке, которая доверилась ей, как она привыкла действовать. Может быть, позже, но не сейчас. Поэтому приходилось пользоваться исключительно честными способами.

– Ладно. А за это? – Гончая протянула торговцу на ладони трофейные ножи.

Кроме пары этих ножей из ценных вещей у нее остались только исправно работающий электрический фонарь и надежно спрятанный под одеждой пистолет. Но с фонарем расставаться не хотелось, а про пистолет даже заикаться не стоило. Без него Гончая чувствовала себя все равно что голой. Хотя однажды ей пришлось сражаться и в таком виде.

Торговец к ножам остался равнодушен, зато его сосед заинтересованно подался вперед.

– Ну-ка, покажь.

Выбрав один из ножей, он взвесил его в руке, колупнул ногтем лезвие.

– Острый хоть?

Гончая молча забрала нож обратно, подняла с пола деревянную щепку и коротким быстрым ударом перерубила ее пополам. Торговец только изумленно крякнул.

– Сколько просишь?

– Тридцать пулек.

– Даю двадцать за оба.

– Тридцать, – твердо повторила Гончая. Она уже поняла, что сделка выгорит, и не ошиблась. Вскоре после недолгого торга они ударили по рукам.

Местный бар оказался набит под завязку. Хозяинчающий за стойкой раздачи грузный бармен не успевал обслуживать клиентов. Ему помогали две шуплые девушки с голодными взглядами. Одна сновала между раздачей и кухней, другая протирала столы и убирала с них грязную посуду.

– Моя сестра тоже здесь работала, – заметила девочка.

Гончая рассеянно кивнула. Прежде чем войти в бар, следовало оценить обстановку, и она не могла позволить себе отвлекаться.

На станциях радиальных линий, где они пересекались с Кольцевой, традиционно собиралась самая разношерстная публика. Но Белорусская, соседствующая практически со всеми серьезными фракциями, занимала среди них особое положение. Здесь можно было встретить и представителей Ганзы, и красных, и анархистов, и жителей Полиса, и фанатиков Рейха, и, конечно, мошенников, контрабандистов и отпетых бандитов. Помимо откровенных небылиц, сплетен и слухов, люди несли с собой последние известия из разных уголков метро, среди которых порой попадалась весьма ценная информация. Средоточием всех этих баек служил местный бар, Гончая и прежде не раз наведывалась сюда.

Сейчас ее острый опытный взгляд сразу выделил в пестрой толпе двух ганзейских стражей порядка в сером камуфляже и тройку фальшиво горляющих песни фашистов. Красных, к счастью, не оказалось. Не хватало еще, чтобы между ними и фашиками в баре вспыхнула драка. Гончая обратила внимание на какого-то сектанта в ярком балахоне, оживленно спорящего с двумя немолодыми людьми, сидящими рядом с ним. Она хотела продолжить привычно оценивать обстановку, оглядывая и другие столики, но в последний момент ее что-то остановило. Компания выглядела подозрительно, причем отнюдь не из-за сектанта, а из-за его собеседников. В них было что-то нарочитое, какая-то фальшь. Через секунду Гончая поняла, что именно ее насторожило. Спутники сектанта не походили ни на торговцев, ни на бандитов. Они вообще ни на кого не походили! Хорошая и достаточно дорогая, по местным меркам одежда, но явно с чужого плеча. Ладони без ссадин, синяков и мозолей, какие бывают только у людей, не занимающихся грубой физической работой, например у чиновников станционной администрации. Но Гончая поспорила бы на что угодно, что эти двое не из местных или иных управленцев. Тогда кто они?!

Девочка, жмущаяся к ее левому боку, дернула Гончую за руку.

– А почему у тех дядей на висках нарисованы книжки?

– У каких дядей?

– На которых ты смотришь.

«Книжки? Ну, конечно! Книжки!»

Только из опасения привлечь к себе внимание Гончая не хлопнула себя ладонью по лбу. Татуировка с изображением раскрытой книги на виске являлась отличительным знаком браминов Полиса, этих хранителей бесполезных и никому, кроме них самих, не нужных знаний разрушенного мира. Но что заставило этих двоих сменить длиннополые халаты браминов на гражданскую одежду и отправиться на чужую станцию за несколько перегонов от Полиса? И кстати, как девчонка разглядела их татуировки?! Оба собеседника заметного в толпе сектанта сидели в тени, Гончая подумала, что они специально выбрали эти места, где не только татуировки на висках, но даже лица различались с трудом.

– Как ты узнала про рисунки у них на висках? – спросила у девочки Гончая.

Вопрос удивил малышку. Она изумленно вытаращила глазенки.

– Увидела. А разве их нет?

– Есть. Но как ты... Впрочем, не важно.

Гончая быстро обвела взглядом и остальных посетителей. Они могли оказаться кем угодно. Именно такие личности обычно и собирались в баре на Белорусской. Знакомых, не считая Калгана – местного бармена, не заметила. О Калгане на Белорусской, да и за ее пределами, ходила дурная слава, и Гончая знала, что вполне заслуженно. Помимо содержания бара, он не брезговал скупать краденое, приторговывал запрещенной на Кольце «дурью» и под огромные проценты одалживал деньги-патроны нуждающимся, а для выбивания долгов содержал целую свору охотчих на расправу отморожков.

Гончая поразмыслила, чем ей может грозить очередная встреча с ним, и решила, что ничем. Ее имени Калган не знал, рода занятий тоже, а за те несколько раз, что она побывала в

его заведении, вряд ли даже запомнил ее лицо. При таком количестве посетителей удержать в памяти каждого просто физически невозможно. Можно входить.

Ганзейские солдаты как раз освободили место, и Гончая, взяв за руку малую, решительно направилась туда. Стол стоял напротив барной стойки, а Гончая предпочла бы расположиться где-нибудь в углу, но выбора не было – угловой стол занимали брамины со своим наряженным в балахон чудаковатым собеседником. Зато она смогла, не вставая и не привлекая лишнего внимания, сделать заказ.

– Два чая и свиную отбивную с грибами! Чай сразу!

Пока заваривался чай, Гончая прислушалась к разговору за соседним столиком. Похоже, там разгорались нешуточные страсти.

– Господь вернет любимых чад на путь истинный и приведет в отчий дом! – воскликнул наряженный в балахон сектант.

– Это мы уже слышали, – устало заметил ему один из браминов. – Но нас интересуют конкретные люди. Понимаете? Конкретные! Когда они придут? Сколько нам еще ждать?

– Все в руках господа! Только он знает...

– Что значит, только он?! – оборвал сектанта другой брамин. – Мы специально приехали сюда ради этой встречи! А вместо этого вы кормите нас слухами, которые нам и так известны! Скажите прямо: вы знаете этих людей?!

Гончая слегка повернула голову, стараясь сделать это незаметно, будто разглядывала барную стойку в ожидании заказа. Перед браминами стояло несколько пустых тарелок, металлические кружки и бутыль местной сладковатой браги. Они явно питались не только слухами. Вместо ответа сектант демонстративно поднялся из-за стола, запахнул балахон и молча направился к выходу. Гончей стало любопытно, как брамины отреагируют на его демарш, но тут бармен выставил на стойку две дымящиеся кружки со свежесваренным чаем, и пришлось отправиться за ними.

Чай оказался паршивым, может, с Печатников или еще откуда, но не с ВДНХ. Дерьмо, а не чай! Но малая прихлебывала обжигающую жидкость, смешно надувала щеки и довольно облизывалась, словно никогда в жизни не пробовала настоящего грибного чая. Гончей стало жаль девчонку, и она решила чуть позже повторить заказ, но заставить Калгана налить в кружки уже нормального чая, который он приберегал для ганзейского начальства, шишкаррей из братвы, фашистских штурмовиков, короче, для тех, кто мог сурово спросить за подделку.

Малая шумно выдохнула и отодвинула пустую кружку.

– Согрелась?

– Ага, – девочка кивнула.

Гончая обернулась к раздаче, но Калган сделал вид, что не заметил ее вопросительного взгляда – видимо, мясо и грибы еще готовились.

– Я Майка! – неожиданно объявила малая. – А тебя как зовут?

Вопрос застал Гончую врасплох. Случайным встречным она представлялась вымышленными именами, которые забывались сразу, как только отпадала необходимость в самой легенде. В нескольких тайниках в разных частях метро надежно хранились документы, выписанные на подлинных бланках Ганзы, Полиса и Рейха, но на разные имена.

Одно из этих имен Гончая использовала чаще других. Оно служило пропуском на большинство московских станций, наподобие сталкерского жетона, надежно гарантировало, что ее не будут обыскивать при входе и чинить каких-либо препятствий. При одном упоминании этого имени штурмовики Рейха вытягивались в струну, кшатрии Полиса и ганзейские стражи уважительно кивали, а самые отчаянные братки втягивали головы в плечи и отводили в сторону глаза. Это имя стало своеобразной легендой, и не раз самой Гончей доводилось слышать, как его мечтательно произносят в темноте у костра или в баре за кружкой браги челноки в своих нескончаемых байках. Но называть его здесь и сейчас было нельзя, и не потому, что к

имени требовалась соответствующая одежда, маска и внешний вид, а потому, что столь легендарное имя раскрыло бы девочке тайну, которую от нее во что бы то ни стало нужно было пока сохранить.

Разыскивая девчонку, Гончая представлялась всем случайно выбранным именем, которое должно было исчезнуть и забыться после выполнения задания. Так же она собиралась назваться и своей маленькой пленнице, но за время недолгого общения с ней поняла, что это стало бы ошибкой. Возможно, непоправимой ошибкой! Каким-то образом девочка удивительно тонко чувствовала ложь. А любая ложь, даже такая мелкая, могла разрушить установившееся между ними хрупкое доверие.

– По-разному, – наконец ответила она и, когда брови сидящей напротив девочки изумленно взлетели вверх, добавила: – Разве это важно?

– А как же! – продолжала удивляться малая. – У каждого человека должно быть имя.

«У некоторых и не одно», – мысленно усмехнулась Гончая.

– А как бы ты меня назвала?

Хотя вопрос был шутивным, девочка серьезно задумалась. Так же задумчиво смотрел на нее Стратег во время их первой встречи. Но в отличие от Майки он еще высокомерно улыбался.

* * *

Та знаменательная встреча тоже происходила в баре, только не на Белорусской, а на Театральной. Да и сам бар был практически пуст.

Она зашла туда, чтобы напиться. После встречи с матерью настроение было хуже некуда. Мать опять плакала, то и дело норовила обнять и беспрестанно повторяла, как она жалеет свою «маленькую девочку».

Девочке давно уже шел третий десяток, и убивать ей приходилось гораздо чаще, чем любить, но матери она об этом не сказала. Да та бы и не поверила. Мать считала ее танцовщицей из кордебалета местного варьете, где прежде сама работала уборщицей, пока стремительно слабеющее здоровье и склероз не превратили ее в морщинистую полубезумную старуху с постоянно трясушимися руками и стойким запахом собственной мочи.

Всю жизнь мать страдала от своего малодушия и бесхарактерности, хотя упрямо не признавала этого. До того, как Москву опалило атомное пламя и окончательно добили радиоактивные вихри, она подвизалась в Московском театре оперетты, но так и не продвинулась в труппе дальше второго состава. Когда город подвергся ядерному удару и по всему метро объявили тревогу, мать то ли не поняла, то ли не поверила этому. Не обращая внимания ни на бегущих навстречу людей, ни на испуганные крики собственной пятилетней дочери, она упорно пробиралась к выходу – спешила на репетицию. К счастью для обеих, несущаяся навстречу толпа подхватила их и втолкнула обратно. Так, в отличие от других спасшихся в метро детей, будущая охотница за головами выжила не благодаря, а вопреки собственной матери.

Потом была робкая попытка возродить в метро профессиональный театр, и мать с такими же, как она, непрактичными мечтателями схватилась за эту идею. Разумеется, ничего путного у них не вышло. Актерского заработка едва хватало на еду, но мать, по своему обыкновению не замечая этого, упорно пыталась вырастить из дочери театральную актрису. Даже когда ее вышвырнули из труппы – место стареющих профессиональных певиц и танцоров на сцене заняли молодые девицы с сочными ляжками, которые те щедро демонстрировали пьяной публике, мать с каким-то слепым упрямством продолжала заниматься с дочерью танцами и вокалом, отказываясь признавать бесполезность своей затеи.

В обновленном театре, постепенно выродившемся в обычный, хотя и весьма дорогой притон для похабных развлечений, матери не нашлось иной работы, как обслуживать тамошних шлюх. Она убирала их комнаты, чистила мебель и стирала белье. Наверное, если бы ей прика-

зали, она бы и дерьмо за ними выносила с той же подобострастной улыбкой, с какой делала все остальное. Неизвестно, о какой судьбе для своего ребенка она теперь мечтала, но сама подросшая дочь, возненавидевшая Театральную, окончательно превратившую мать в жалкое, безвольное существо, к этому моменту уже точно знала, что никому не позволит вытирать об себя ноги.

В тринадцать лет она сбежала с опостылевшей станции, тогда же совершила свою первую кражу, с четырнадцати начала участвовать в грабежах, в семнадцать впервые убила человека.

А еще через шесть лет встретила Стратега.

* * *

Он подсел за столик, когда она залпом махнула стакан самогона и принялась жадно заедать его прожаренной отбивной.

– Ты позволишь? – спросил холеный мужчина с тщательно расчесанными на пробор волосами и, не дожидаясь разрешения, уселся напротив.

– Отвали, – отмахнулась она. После разговора с матерью видеть никого не хотелось, а уж таких самодовольных типов тем более.

Но он не отвалил. И даже не обиделся. Загадочно усмехнулся и сказал:

– Поверь, я могу оказаться полезен. Давай для начала ты закажешь все что хочешь, а я это оплачу.

Она и сама могла оплатить любое блюдо в местном меню – пулек хватало, но решила проверить слова странного прилизанного мужика.

– Лимон! Два!

Фрукты и овощи выращивали в метро при ярком свете электрических ламп, и оттого стоили они баснословно дорого. Но, услышав заказ, мужчина только расхохотался.

– Нет-нет, все нормально, не обращай внимания, – сквозь смех сказал он. – Просто любопытно, как ты собираешься съесть два лимона.

Наглый тип оказался прав. Давиться такой кислятиной ей еще не приходилось. Но она мужественно доела все до последней лимонной дольки и даже демонстративно слизнула с тарелки вытекший сок. Тип с пробором ответил на это шуточными аплодисментами.

– Браво, браво! Твое упорство достойно восхищения и полностью подтверждает сложившееся мнение.

– Какое мнение? – переспросила она. Самогон ударил в голову, и она с трудом разбирала, о чем говорит собеседник.

– Скорее, легенду, – поправился он. – Легенду о бесстрашной Валькирии! Да, так гораздо лучше.

Хмель мгновенно прошел, а правая рука рефлекторно метнулась к спрятанному под одеждой пистолету, с которым она почти никогда уже и не расставалась.

– Постой, постой! – испуганно вскрикнул мужчина и заслонился от грозной собеседницы ладонями. Но такой прием еще никого не защитил от выпущенной в упор пули. – Я не причиню тебе вреда! Наоборот, из нашей встречи ты можешь извлечь массу пользы!

Она опустила руку, и сидящий напротив странный во всех отношениях тип начал успокаиваться. А двое рослых громил, не сводящих с нее пристального взгляда, на которых она поначалу не обратила внимания, остались в тех же напряженных позах. Она могла поспорить с кем угодно, что под их длинными плащами припрятано оружие, возможно, даже автоматическое.

Значит, холеный мужик появился в бар со своей охраной. Весьма предусмотрительно с его стороны. Некоторые знания могут оказаться смертельно опасными для их обладателя. А незнакомец продемонстрировал именно такое знание. Имя, которое он назвал, в метро слы-

шали многие. А вот знать в лицо его обладательницу доводилось лишь единицам. И некоторых из них уже не было в живых. Но она не вышибла всезнающему типу мозги не потому, что испугалась громил с автоматами, а из любопытства решила дослушать его предложение и выяснить, кто он такой.

Она была абсолютно уверена лишь в том, что никогда прежде не встречалась с этим человеком.

– Тебе интересно, откуда я тебя знаю? – спросил он, прежде чем начать свой рассказ. – Отвечу, если пообещаешь не стрелять в меня.

Она кивнула. Пообещать и сделать – абсолютно разные вещи. И он полный дурак, если этого не понимает.

– Я знаю все, что происходит в этом мире, мире метро. Я держу руку на его пульсе. Я наблюдатель! Для большинства Невидимый Наблюдатель!

Ей стало смешно, и она бросила мимолетный взгляд в сторону его телохранителей. Но те стояли с абсолютно непроницаемыми, словно вырубленными из камня, лицами. Как только они выдерживают столь бредовые заявления? Это надо же, Невидимый Наблюдатель!

– Разделяю твою иронию, – заметил тип. Он действительно оказался внимательным и не упускающим деталей. – Но легенду о Невидимых Наблюдателях придумал не я. Хотя название довольно точное. Я отслеживаю все, что происходит в метро. Однако мое занятие заключается не только в этом. Порой, когда возникает необходимость, а это, поверь мне, случается довольно часто, я вмешиваюсь в течение здешней жизни и направляю ее, так сказать, в нужное русло. Я не только наблюдатель, а еще и архитектор... Хотя нет! Архитектор – это что-то строительное: цемент, раствор, спецовки, грязь. Я режиссер! Режиссер и постановщик! Может быть, поэтому мне так нравится Театральная. Этот бар, эти кресла, – он похлопал ладонью по спинке сиденья, а мебель, по слухам, доставили в метро прямо из расположенного на поверхности Большого театра, потом обвел рукой вокруг, – всю эту атмосферу.

– Атмосферу борделя? – не выдержала она.

– Да, – легко согласился тип с безупречным пробором. И она сразу вспомнила, где его видела. Здесь же и видела, за кулисами, возле гримуборных, где театральные шлюхи обслуживали своих ухажеров и покровителей. – Не надо считать мои слова циничными. Людям необходимо есть, пить и совокупляться. Это основа жизни. Но мы отвлеклись. Как я уже сказал, я режиссер. И как всякому режиссеру, мне иногда требуются ассистенты. Тогда я материализуюсь из небытия во плоти, но делаю это только перед избранными!

Он посмотрел на нее, ожидая вопросов, но их не последовало, и Наблюдатель разочарованно продолжил:

– Теперь о тебе. Тебя зовут Валькирия, остальные имена я опускаю, и ты известная охотница за головами. Несмотря на молодость, ты заслужила признание весьма авторитетных людей. Собственно, это и побудило меня навести о тебе справки, и результаты меня приятно впечатлили. Не известно ни об одном случае, когда ты не выполнила контракт.

Пока все было правильно. Почти. Пару раз ей не удалось найти заказанных людей. Но они исчезли бесследно и навсегда, а заказчиков это полностью устраивало.

– Ты умна, находчива и сообразительна. К тому же обладаешь еще одним бесспорным достоинством. Ты очень красивая женщина. Ах, эта женская красота! – Тип за столом демонстративно взмахнул руками. – Как она порой размягчает грубые мужские сердца и развязывает нам языки. Уж я-то знаю. Да ты и сама знаешь, не зря новый фюрер сделал тебя своей любовницей.

Все, кто слышал о Валькирии, знали, что она любовница фюрера, но это было лишь легендой, выгодной обоим. Последний фашистский лидер не отличался особой мужской силой, но наглядно показывал всем свою дееспособность наличием молодой, привлекательной любовницы. А для самой Валькирии звание первой фаворитки Рейха служило своеобразной охран-

ной грамотой, избавляющей ее от домогательств большей части мужского населения метро и помогающей находить общий язык с лидерами других фракций, потому что все без исключения знали: обида, нанесенная любовнице фюрера, чревата серьезными проблемами.

– Хотя, я слышал, что как мужчина он так себе. – Собеседник хихикнул, но Валькирия не стала его разубеждать. Мысль о том, что он в чем-то ошибается, лишала его всезнающего ореола.

Тип, похоже, выговорился. Настала пора и ей подвести итог.

– Значит, я избранная и ты предлагаешь мне стать твоей ассистенткой?

– Ассистентом по особым поручениям, – расплылся в довольной улыбке собеседник. – Ты ни в чем не будешь нуждаться. Абсолютно ни в чем! Любое снаряжение, оружие, неограниченные средства. Единственное условие – полная и абсолютная преданность! Ну и, конечно, обращаться ко мне отныне будешь только на «вы».

– И как же мне вас величать: Режиссер или все-таки Наблюдатель? – улыбнулась Валькирия.

Наблюдатель отрицательно покачал головой.

– Большинство тех, с кем мне приходится общаться, люди военные. Или, по крайней мере, считающие себя таковыми, – он высокомерно усмехнулся. – Им не понять ассоциаций с театральной постановкой. Многие даже не знают значения слова «либретто». Поневоле приходится соответствовать. А кто такой режиссер на военном языке? Это стратег! Так меня и называй.

Валькирия прокрутила в голове новое имя. Нет, она никогда не слышала о Стратеже.

– Так что ты решила? – напомнил он о себе.

– Я подумаю.

Фразу оборвал грохот сдвоенного выстрела. Стратег вжался в кресло, его телохранители ничком повалились на пол. Их разговора никто не слышал – других посетителей в баре не было, а востроглазую подавальщицу-официантку Стратег повелительным жестом отправил в подсобное помещение, как только она поставила на стол тарелку с нарезанными лимонами.

Ему понадобилась пара секунд, чтобы осознать, что сидящая напротив женщина не собирается в него стрелять, и его испуг тут же прошел. Он оторвал взгляд от дымящегося пистолета в ее руке и оглянулся на лежащих за спиной громил, под простреленными головами которых уже появились маленькие лужицы крови.

Валькирия ожидала от него более эмоциональной реакции, но Стратег всего лишь приоткрыл губами и понимающе кивнул. Потом перевел взгляд на собеседницу и утвердительно сказал:

– Как я понимаю, это было согласие. Иначе бы третья пуля досталась мне?

Ей оставалось только признать, что новый заказчик еще и чертовски догадлив.

* * *

– А как бы ты меня назвала? – спросила женщина-кошка.

Майка даже испугалась. «Неужели у нее нет имени? Но так не бывает!»

– Но ведь твоя мама... – робко начала девочка.

– Что, мама?!

Майка почувствовала, что женщине стало неприятно, неприятно и больно, но она все-таки задала свой вопрос:

– Мама дала тебе имя?

– Это было давно, – отрезала женщина. Майка сразу поняла, что она не хочет говорить о своей маме. Наверное, она умерла, и ей тяжело об этом вспоминать.

Рука женщины обхватила стоящую на столе жестяную кружку и сжала так, что побелели костяшки пальцев, а кружка смялась, словно это был и не металл вовсе, а тонкая бумага. Потом женщина опомнилась и начала выгибать кружку обратно. Майка глядела на ее руки и не переставала изумляться, какие у нее сильные пальцы.

– Один человек назвал меня гончей, – продолжая возиться с кружкой, внезапно сказала женщина.

– Гончей?

Женщина кивнула.

– Угу. Это такая собака, охотничья. Знаешь, кто такие собаки?

Майка знала. Несколько раз через их станцию проходили вооруженные люди с большими, лохматыми зверями. Звери рвались с цепей, крепко намотанных на руку хозяина, злобно рычали и лаяли на всех вокруг. Сестра потом объяснила Майке, что эти люди – фашисты с соседней Тверской, а неизвестные звери – собаки, которых фашисты разводят, чтобы те помогали им ловить, а потом загрызать пойманных пленников.

– Ты не похожа на собаку.

Женщина печально вздохнула.

– На кого же, по-твоему, я похожа?

– На кошку.

На ее лице появилась улыбка, но не радостная, а скорее грустная.

– На кошку, – словно пробуя слово на вкус, повторила она. – Ему такое сравнение не понравится. Нет, собака и только собака!

Майка почти ничего не поняла из ее слов, но почувствовала, что женщине хочется выговориться, раскрыть перед ней какую-то страшную тайну, которая давит и гнетет ее.

– Кому – ему?

– Есть один тип, который дрессирует и натаскивает собак, охотничьих псов! И обожает сравнения.

– Он тебя не знает.

– Да нет, – возразила женщина. Она смотрела прямо перед собой и в то же время как бы внутрь себя. – Знает. Даже слишком хорошо.

* * *

У вагона, где Стратег назначил встречу своей «ассистентке», Валькирию остановили. Двое громил, как две капли воды похожих на тех, кого она застрелила в баре на Театральной, преградили ей дорогу. Очевидно, Стратег подбирал себе телохранителей по единому стандарту. У них были такие же угрюмые лица и такие же длинные плащи из грубой свиной кожи, только оружия они не скрывали. Один сжимал в руках «калаш» со сложенным прикладом, другой – многозарядный, полуавтоматический дробовик.

Валькирии стало любопытно, знают ли они о судьбе своих предшественников. Она даже собралась задать им этот вопрос, но в последний момент передумала. Кто знает, какую это вызовет реакцию в их мозгах? Еще взорвутся от напряжения.

– Оружие! – потребовал громила с автоматом и протянул свою широкую лапищу.

При входе на Таганскую местная охрана тоже потребовала у Валькирии сдать оружие, но ушитая по ее фигуре униформа курьера Ганзы выглядела убедительно, слова пароля сделали свое дело, и после проверки оружие вернули обратно. Однако телохранители явно не собирались пропускать ее с оружием к своему боссу. Стратег сделал выводы из их первой встречи.

Валькирия послушно вынула из кобуры пистолет, сняла с пояса ножны с боевым ножом и вложила в подставленную ладонь. И то, и другое тут же исчезло в безразмерных карманах.

– Это все?

Поколебавшись секунду, она достала из курьерской сумки другой пистолет, но выщелкнула и отдала громиле только снаряженный магазин, а сам пистолет спрятала обратно.

– Трофей для хозяина.

– Теперь все?

Валькирия молча развела в стороны руки, предлагая охранникам самим убедиться в этом. Они бесцеремонно облапали ее и перетряхнули содержимое висящей на плече сумки, но не заглянули в патронник трофейного пистолета, где сидел досланный в ствол патрон, да и при личном досмотре больше внимания уделили женским прелестям, чем тем местам, где можно спрятать оружие. Когда-нибудь столь избирательный подход обернется для них и их хозяина «неожиданным» сюрпризом, но сами громилы об этом не подозревали. Закончив обыск, один из них распахнул перед посетительницей укрепленную железными листами входную дверь, и Валькирия вошла внутрь предназначенного для особо важных персон гостевого вагона.

Стратег подждал ее, по-хозяйски развалившись на застеленном мягким ковром широком сиденье. Он всегда выбирал самое лучшее: лучшую еду и напитки, лучших девочек, лучших охотников на людей. И, конечно, лучшую гостиницу.

Здесь повсюду были ковры: на стенах, на окнах, даже на полу. Такой гостиничный номер стоил невообразимо дорого. На то количество пуль, необходимое, чтобы провести здесь ночь, где-нибудь на окраине семья из двух человек смогла бы безбедно жить целый месяц. Но Стратег патроны никогда не считал, что подтверждали и откупоренная бутылка марочного коньяка, и блюдечко с мелко нарезанным лимоном, стоявшие перед ним на низком сервировочном столике. Коньяк он, скорее всего, принес с собой, а лимон заказал в местном баре, чтобы напомнить помощнице их первую встречу и заодно посмеяться над ее невежеством и глупостью.

При виде госты Стратег сбросил с сиденья босые ноги и призывно махнул рукой.

– Разувайся, проходи.

Но она не стала разуваться, а сразу направилась к столу, с удовольствием наблюдая, как на ковре остаются грязные следы от ее сапог. Но Стратег не обращал внимания на такие мелочи, да и чистота чужих ковров его не интересовала. По большому счету ему было на это плевать.

– Выпьешь? – Он указал на распечатанную бутылку.

На столике стоял только один стакан, и Валькирия отхлебнула прямо из горлышка, лимон брать не стала – хватит, наелась. Потом отодвинула блюдце, стакан и бутылку в сторону и начала выкладывать из сумки добытые трофеи. Стратег молча наблюдал за ней.

– Это все? – спросил он, когда она закончила.

– Все, что было.

Стратег перебрал разложенные на столе предметы, внимательно осмотрел небольшой пистолет с дарственной монограммой и патроном в стволе, зачем-то даже взвесил его на ладони, покрутил в руках металлический жетон с выбитым на нем личным номером, наконец, заключил:

– Да, это его вещи. Где ты его достала?

– На Войковской.

– Далеко забрался, – ухмыльнулся Стратег. – А ведь я ему доверял.

«Врешь! Ты никому не доверяешь».

– Что, тоже был вашим ассистентом? – не сдержалась Валькирия. Идя на встречу, она не собиралась задавать этот вопрос. Никогда не следует выдавать заказчику свою осведомленность. И вот все-таки сорвалась.

– Увы, увы, – покачал головой Стратег. Он даже не пытался скрыть своего торжества. – Спрашивается: чего человеку не хватало? Скажи, он не мучился?

– Я не интересовалась.

– Ну да, ну да. – Стратег тряхнул головой.

«Закрыв вопрос», – перевела его жест Валькирия.

– Я удовлетворен. Ты отлично поработала. За тебя! – Он плеснул в стакан коньяка, отсалютовал им своей гостью и выпил янтарную жидкость одним глотком. – Надеюсь, твоя работа и в дальнейшем будет такой же четкой. Четкой и продолжительной.

Последнее слово прозвучало двусмысленно, но Валькирия прекрасно поняла намек.

– Теперь о приятном. – Стратег полез в карман и достал оттуда завернутую в пленку пачку документов. – Твои паспорта: Рейх, Полис, Ганза, Бауманский альянс. Все на подлинных бланках, с натуральными подписями и печатями.

Он перебрал ей документы и, пока Валькирия изучала паспорта, за которые большинство жителей метро продали бы душу, небрежно спросил:

– Скажи, а каково это идти по следу? Чувствовать запах жертвы, ее страх? Что ты при этом испытываешь? Охотничий азарт, да? Как гончая, которая неукротимо преследует жертву, гонит и гонит ее, пока та не упадет без сил или не забьется в какую-нибудь нору!.. Валькирия – это что-то эфемерное. Как раз для фашиков, которые помешались на всей этой готической символике. А Гончая – это твое предназначение, твоя суть!

* * *

Она тряхнула головой, прогоняя воспоминания.

«Все, хватит! Расчувствовалась! Еще слезу пусти перед девчонкой! Прав Стратег, ты гончая! Охотничья собака, обученная загонять добычу, а загнав, рвать на куски или хватать и тащить хозяину! Ты стала тем, кем хотела! И нечего из-за этого переживать!»

Верно, стала. Но нравится ли тебе быть собакой?

Гончая вздрогнула. В первый момент ей показалось, что вопрос задала сидящая напротив девчонка, но потом она узнала голос. Он принадлежал другой маленькой девочке, которой непрактичная мать пела перед сном колыбельные песни и пыталась обучить вокалу. Той пятилетней крохе, которая останавливалась по пути в детский сад, чтобы погладить дворовую кошку, и пугалась собачьего лая.

– Что с тобой? Ты так побледнела, – голос Майки донесся, словно сквозь вату.

«Надо же, побледнела».

Гончая несколько раз с силой сжала кулаки, восстанавливая ток крови.

– Все в порядке, – сказала она и подмигнула. – А вот и наше мясо.

Хмурый бармен, в кои-то веки выбравшийся из-за своей стойки, поставил перед ними железное блюдо с толстой отбивной и крупно нашинкованными жареными грибами. Гончая изумленно вскинула брови. На ее памяти Калган ни разу не покидал своего места, чтобы лично обслужить клиентов. А они с Майкой не те клиенты, чтобы из-за них менять устоявшиеся привычки. Вот если бы он знал, что перед ним сидит любовница самого фюрера, но тогда его лицо выглядело бы более дружелюбным.

Внезапная мысль молнией сверкнула в голове Гончей. Она резко повернулась к Майке.

– Бармен тебя знает?!

Девочка кивнула.

– Он приходил к сестре. Сказал, она ему должна. На Маяковской ему многие должны.

– Твоя сестра работала в этом баре и при этом должна бармену?!

Майка снова кивнула. Гончей сразу расхотелось есть. Нужно было уносить отсюда ноги. И как можно быстрее. Но девочка была голодна. Гончая подвинула к ней принесенное блюдо.

– Ешь, только быстро.

Прежде чем вернуться за стойку, Калган заглянул на кухню и что-то сказал. Гончей это не понравилось.

– Ешь быстрее, – поторопила она Майку. – Нам надо уходить.

Девочка принялась судорожно запихивать в рот грибы и мясо, но тут же подавилась и закашлялась. К тому же после ее слов малышка не на шутку перепугалась.

– Все в порядке, – успокоила ее Гончая. – Я с тобой.

Наконец Майка справилась с кашлем, но, проглотив несколько кусков, положила надкусанную отбивную на блюдо.

– Я больше не могу.

Гончая понимающе кивнула и первой поднялась на ноги. В тот же миг возле стола оказался вездесущий бармен.

– Сначала надо расплатиться! – грозно потребовал он.

Гончая без счета высыпала на стол горсть патронов. Их оказалось больше, чем стоил весь заказ, но Калган даже не взглянул на патроны.

– Это не все, подруга, – объявил он и, ткнув в сторону Майки узловатым пальцем, добавил: – Ее сестра должна мне четыреста пулек. Передай ей: принесет бабло, получит девчонку. А до тех пор та останется здесь.

– Ты ошибся, приятель. Это моя дочь, – нарочито спокойно ответила Гончая и взяла Майку за руку. – Идем, милая.

– Я сказал: она останется! – рявкнул Калган и шагнул вперед, перегородив проход своей массивной тушей.

В ответ на его окрик из кухни появились два плечистых молодца с засученными по локоть рукавами. Один держал в руках мясницкий топор, другой – увесистую стальную кочергу. Майка в страхе подалась назад, но Гончая осталась на месте.

Разговоры в баре мгновенно смолкли, а все посетители уставились на хозяина и спорящую с ним молодую женщину, держащую за руку маленькую девочку. В отличие от девочки женщина вовсе не выглядела испуганной. Она даже улыбнулась, чем привела бармена в некоторое замешательство.

– Сколько, говоришь, должна? Четыреста пулек? – с улыбкой спросила женщина. – Ладно, держи.

Ее рука, шарящая в кармане, вынырнула обратно. Самые внимательные посетители успели заметить, что между пальцев у женщины зажат автоматный патрон. Но лучше всего его разглядел сам хозяин заведения, потому что в следующее мгновение патрон вонзился ему в правый глаз.

Дальнейшее посетители запомнили по-разному. Большинство видели, как орет и топчется на месте бармен, а из-под его прижатых к лицу ладоней брызжет кровь. Многие увидели, как упал опрокинутый женщиной стол, а жестяное блюдо, недоеденная отбивная, жареные грибы и лежащие на столе патроны разлетелись в разные стороны. Самые внимательные и ловкие зрители тут же бросились их поднимать. Онемевшие в первый момент подручные бармена с криками ринулись к своему раненому хозяину, но их появление только добавило суеты и неразберихи в возникшую давку. И лишь немногие из очевидцев заметили, как женщина, засадившая бармену в глаз автоматный патрон, подхватила на руки онемевшую от страха и изумления девочку и вместе с ней выбежала наружу.

Глава 3

Бродячий цирк

На пороге Гончая едва не столкнулась с ганзейцами, которых ранее видела в баре. Привлеченные доносящимися оттуда истошными криками стражи порядка так спешили, что наверняка сбили бы ее с ног, но Гончая в последний момент отпрянула в сторону. Наскоро перекусив, они все же ошивались где-то поблизости, значит, это не случайные посетители, а специальный ганзейский патруль, призванный пресекать беспорядки на смежной станции. Сейчас им не было дела до женщины с девочкой на руках, никто из полицейских даже не взглянул в ее сторону, но все изменится после того, как Калган и его подручные дадут ее описание. Станцию перекроют, патрули и охрана начнут бдительно фильтровать всех выходящих, и с Белорусской будет уже не выбраться. Раз полицаи кормятся у Калгана, а Гончая заметила, что они не рассчитались за еду, нетрудно догадаться, что они примут именно его сторону, а не какой-то бездомной бродяжки.

Прежде Гончей приходилось выбирать и с более серьезно охраняемых станций. Но тогда она была одна и не ограничена в применении оружия, а сейчас с ней замороженная, изголодавшаяся девочка, которая к тому же не одобрит, если новая подруга станет палить во всех подряд.

– Иди за мной, и ни звука, – предупредила Гончая Майку, поставила ее на ноги и, взяв за руку, быстро повела за собой.

Девочка не ответила. Гончая решила, что так даже лучше. Сейчас ей было не до разговоров, она лихорадочно искала выход из сложившейся ситуации.

Калган человек богатый и злопамятный – взрывное сочетание. За свой выбитый глаз он наверняка назначит солидную награду, лишь бы только наказать обидчицу. Значит, полицаи будут стараться вовсю. К тому же у него есть и свои отморозки. Они перетряхнут всю станцию сверху донизу. Проверят каждого челнока и залезут в каждый баул. Как ни крути, а без помощи Стратега не обойтись.

Обращаться к Стратегу не хотелось. Гончая решила вообще не давать о себе знать, пока окончательно не разберется в своих отношениях с девчонкой. Но обстоятельства не оставляли выбора.

Она давно не бывала на Белорусской и сейчас опасалась, что за время ее отсутствия администрация могла провести на станции перепланировку, но этого, к счастью, не произошло. Когда Гончая пересекла станционную платформу, то вышла к покосившейся металлической изгороди, за которой стояла на путях наполовину засыпанная золой вагонетка. Раз в сутки, обычно по утрам, сюда сваливали угли от прогоревших костров. Когда вагонетка заполнялась, ее отвозили на соседнюю станцию. Смешанная с навозом зола служила отличным удобрением для грибных плантаций, и фермеры с Динамо охотно покупали ее. И стоящую на путях вагонетку, и подступы к ней, даже металлическую загородку покрывал слой пепла и саж. Любой забредший сюда неминуемо перепачкался бы с ног до головы, поэтому, кроме уборщиков, к вагонетке никто не подходил, да и те появлялись не часто. Но так было в обычные дни, а не тогда, когда на станции объявляли тревогу!

Гончая указала Майке на вагонетку.

– Забирайся под колеса и сиди тихо, как мышь. Знаешь, кто такая мышь?

Однако отвлечь девочку безобидным вопросом, на что и рассчитывала Гончая, не получилось.

– А ты? – испуганно спросила та.

– А я разведая, что к чему, и вернусь. Так знаешь, кто такая мышь?

И вновь вопрос прозвучал впустую.

– Ты его убила?

– Если бы, – усмехнулась Гончая. – Слышала, как он орал?

Майка вспомнила истошные крики бармена и кивнула.

– Ты вернешься?

– Обещаю. И вот еще что. – Гончая сбросила плащ-накидку, сняла походную торбу и вручила все это Майке. – Подержи пока у себя, так меня будет сложнее узнать, и постарайся не испачкать.

Девочка серьезно, по-взрослому кивнула, аккуратно сложила полученные вещи и полезла под колеса вагонетки. Когда Гончая уже повернулась, чтобы уйти, оттуда донесся ее тихий голосок:

– Я знаю, кто такая мышь. Она – как крыса, только маленькая.

* * *

Без накидки, в одной рубашке на станции было довольно прохладно. Но Гончая умела терпеть холод. К тому же по сравнению с остальными проблемами это была сушая ерунда.

Когда она вернулась на платформу, полицейских там заметно прибавилось. Кроме уже знакомой пары, Гончая насчитала еще троих. Двое из них пока бесцельно бродили по торговым рядам, третий о чем-то оживленно спорил с рослым, сутулым мужиком, стоящим на пороге бара.

Сутулый, без сомнения, принадлежал к барменской кодле, выбивающей долги из его неудачливых заемщиков. Гончая нисколько не сомневалась, что работающие на Калгана отморозки умели не только отбивать людям почки, но и пускать кровь, и не раз уже проделывали это.

Она не стала приближаться к бару, а, держась за спинами снующих по станции людей, прокралась к переходу, соединяющему Белорусскую-радиальную с одноименной ганзейской станцией. Переход охранялся парой караульных, которые всем своим видом показывали, что они выше суеты, царящей у соседей, и что эти проблемы их совершенно не касаются. Еще двое проверяли документы у желающих попасть с радиальной на Кольцо. Эти вели себя куда более заинтересованно, бдительно вглядываясь не только в протягиваемые паспорта, но и в лица их обладателей, а в случае каких-либо сомнений без лишних церемоний светили людям в глаза карманными фонариками. Особенно придирчивым проверкам подвергались одинокие женщины и женщины с маленькими детьми. Гончей это не понравилось. Значит, Калган уже сообщил на пост через прикормленных полицейских ее приметы.

Отправляясь на поиски автора заинтересовавших Стратега рисунков, Гончая не взяла с собой документов, потому что на тех станциях, где ей пришлось побывать, объяснить наличие паспорта было гораздо труднее, чем пистолета. Вернее, пистолет-то еще можно было объяснить, а, например, паспортов граждан Кольца там и не нюхивали. Потому что ганзейцы живут в тепле и уюте на своих сытых и богатых станциях, а не бродят, закутавшись в тряпье, по диким и опасным местам, не снисходят до населяющего эти места голодного и опасного сброда. Но и с документом в кармане она не рискнула бы теперь соваться на контрольный пост. Если караульные ее опознают, да хотя бы заподозрят в нападении на бармена, никакая бумажка ее не защитит. Это мог сделать только Стратег.

Под лестничным пролетом, служившим переходом на Кольцо, стоял обшарпанный, но еще довольно крепкий письменный стол, за которым скучал молодой белобрысый парень в форме ганзейского почтальона. Стол украшала синяя табличка с надписью «ПОЧТА», а на столешнице лежали три карандашных огрызка и тощая пачка писчей бумаги. Перехватив заинтересованный взгляд парня, Гончая неторопливо направилась к столу.

Увидев приближающуюся девушку, паренек хотел что-то спросить, но Гончая его опередила:

– Скучаешь?

Она остановилась возле стола и слегка наклонилась вперед, чтобы парень смог лучше рассмотреть ее обозначившуюся под рубашкой грудь. Парнишке, судя по виду, не было еще и двадцати, но опыт общения с женщинами у него, похоже, имелся. Он приосанился и, явно красуясь перед ней, объявил:

– Смена закончится, развлекусь. Могу и тебя развлечь, крошка. Не пожалеешь.

Гончая знала, что в облегающей одежде, подчеркивающей ее точеную фигуру, кажется моложе своих лет. Острый, отливающий ножевой сталью взгляд опровергал это впечатление, но она научилась тушить огонь и отводить глаза, поэтому ганзейский почтальон наверняка принял ее за свою ровесницу. Гончая благодарно улыбнулась и многообещающе провела языком по губам – пусть парнишка порадует в предвкушении удовольствия.

– Мне бы еще письмо отправить.

– Далеко? – уже другим, официальным, голосом спросил почтальон.

– На Таганскую.

– Тринадцать пулек, – объявил паренек, прикинув в уме стоимость доставки.

Стоимость рассчитывалась исходя из протяженности маршрута. Ганзейская почта брала по два патрона за каждый перегон, еще в три патрона почтальон, очевидно, оценил свои услуги.

– Только мне его сначала написать надо.

– Еще пять пулек, – не моргнув глазом, ответил паренек.

Гончая согласно кивнула. Ровно столько патронов осталось у нее после похода в бар. Но платить она не собиралась.

– На, пиши. – Почтальон взял из пачки верхний лист и протянул ей. – Писать-то хоть умеешь?

– Ага, – ответила Гончая и потянулась за карандашом, но сделала это так неловко, что смахнула на пол два других огрызка и, пока парень лазил за ними под стол, выхватила из пачки несколько верхних листов и сунула себе за пазуху.

На полученном от почтальона листе она черкнула пару строк – тот, кто не знает о чем идет речь, ничего не поймет, но Стратег сообразит сразу – и подписалась символом V в виде двух скрещенных мечей.

– Закончила? – поторопил ее паренек.

– Еще адрес. – Гончая ловко сложила листок, заклеила по краям вонючим клеем из предоставленного почтальоном пузырька и вывела на обратной стороне имя адресата: «Таганская. Начальнику станции – для С.». Последнее уточнение подчеркнула жирной чертой. – Теперь все.

Взяв в руки заклеенный листок, паренек переменялся в лице. Ему больше не хотелось шутить и улыбаться, потому что обычные простые люди членам руководящего совета Содружества станций Кольцевой линии не пишут, а с теми, кто делает это, лучше не шутить. Парень спрятал письмо в свою почтовую сумку и скорее автоматически, чем осознанно, произнес:

– Восемнадцать патронов.

– На месте заплатят, – ответила Гончая, хотя понимала, что почтальон, который вручит ее письмо начальнику Таганской, скорее всего, останется без оплаты. Но ее это уже не волновало. – Скоро у тебя смена заканчивается? Мне подождать?

– Не, – смутился парнишка. – Я это, вспомнил. У меня дела.

– Как знаешь, – пожала плечами Гончая. – Тогда пока.

– Пока, – механически повторил почтальон. От волнения он не заметил, что она не вернула назад карандашный огрызок, или лишь сделал вид, что не заметил.

* * *

Пока она улаживала дела с почтальоном, у перехода на Кольцо собралась небольшая толпа.

«Неужели караульные полностью закрыли радиальную?» – с тревогой подумала Гончая. Это было бы хуже всего. Но в шуме толпы не слышалось злости и возмущения. Больше всего гомон собравшихся у перехода людей напоминал любопытство. Гончая заинтересованно прислушалась.

– ...Видно, Ганза им у себя выступать запретила, а наши завсегда рады... Я тебе говорю, новая программа. Так и написано... А ты сколько хотел? Конечно, одно представление, – доносились с разных сторон.

Тем временем в переходе со стороны Ганзы появились двое немолодых мужчин, толкающих перед собой четырехколесную тележку, на которой среди беспорядочно наваленных мешков и каких-то коробок стоял обитый черной тканью внушительный ящик. Следом за мужчинами шагала невысокая худая женщина в облегающем черном трико. На плече она несла связку металлических обручей, а в руках свернутый в рулон красочный плакат. Караульные, видимо, были предупреждены об этих людях, потому что при их появлении сразу сдвинули в сторону переносную загородку, расширяя проход.

Гончей стало интересно, как те собираются спускать тележку по лестнице, но один из мужчин, обращающий на себя внимание неестественно пышными и густыми усами и такой же бородкой клинышком, нашел выход из положения. Отпустив ручку тележки, он подбежал к краю лестницы и хорошо поставленным голосом торжественно объявил:

– Граждане Белорусской, помогите цирковым артистам разгрузить их инвентарь! Всем помощникам фантастические скидки на билеты! Прошу! Билеты с фантастической скидкой!

Как ни странно, призыв подействовал. Сразу несколько человек из толпы бросились вверх по лестнице и в мгновение ока расхватили с тележки все тюки и коробки. Трое молодых людей подступились к обитому тканью ящику, но оттуда донеслось угрожающее рычание, и парни испуганно отпрянули. Циркачи оказались разумными людьми. Они не стали потешаться над не слишком-то отважными помощниками, сами подняли ящик и без видимых усилий отнесли его на платформу.

Гончая стояла неподалеку, и когда мужчины с ящиком проходили мимо, ее мозг пронзила внезапная идея. Одного из них она хорошо знала, причем очень давно, еще с той поры, когда не помышляла о своем нынешнем занятии, а училась петь в угоду наивной, непутевой матери. Она пела, а этот человек аккомпанировал ей на своем аккордеоне. В прошлой жизни, до ядерной Катастрофы, он зарабатывал тем, что играл в подземных переходах. При объявлении тревоги вместе с инструментом рванул в метро, какое-то время скитался по разным станциям, а поскольку ничего другого, кроме как играть, не умел, то, в конце концов, и обосновался на Театральной. Кто-то из жителей в шутку называл его аккордеон баяном, другие подхватили. С годами тех, кто понимал разницу между этими инструментами, становилось все меньше, постепенно забылось и стерлось из памяти собственное имя «баяниста», и его самого стали называть Баяном.

Он не так уж сильно изменился, хотя и постарел за последние годы. Гончая даже удивилась, как могла не узнать его сразу. Все потому, что смотрела не на него, а на его партнера с пышными усами.

Баян был незлобивым и отзывчивым человеком и не то чтобы сильно нравился Гончей, но всегда вызывал у нее симпатию, особенно в детстве. Случайная встреча с ним всколыхнула в памяти навсегда, как она считала, забытые воспоминания о быстро пролетевшем детстве и

маленькой девочке, распевавшей звонким голоском только что разученные детские песенки. Песни были глупые, но той девчонке они, похоже, нравились.

Гончая вспомнила свою радость, когда ей удавалось пропеть всю песню по памяти от начала до конца, как улыбалась при этом мать и как одобрительно глядел на нее Баян, если у нее это получалось. Расчувствовавшись от ее пения, он даже пытался научить ее игре на своем аккордеоне. Для семилетней девчонки инструмент был слишком тяжел, и Баян сразу предупредил, что для того, чтобы научиться играть, ей понадобятся сильные руки.

Гончая медленно сжала правую руку в кулак и осмотрела со всех сторон. Под кожей обозначились тугие мышцы. Теперь у нее сильные руки, а играть она так и не научилась. Из всех навыков, необходимых для выживания в рухнувшем мире, умение играть на аккордеоне, наверное, стояло на последнем месте, но, вспомнив свои уроки, Гончая отчего-то почувствовала тоску.

Она поискала взглядом цирковых артистов. Те уже перетаскивали на край платформы свой скарб и всю готовились к предстоящему представлению. Усатый тип собирал со зрителей плату, а вместо билетов рисовал им химическим карандашом на тыльной стороне ладони витиеватую закорючку, Баян с женщиной расставляли цирковые декорации, над которыми уже красовался развернутый плакат: «ЦИРК. ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПРОГРАММА. ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ».

– Пап, пап, а что значит «остросюжетная»? – услышала Гончая.

Пацан лет десяти дергал за рукав подпоясанного армейским ремнем мужика и указывал пальцем на плакат.

– Значит, страшно будет, – ответил тот.

– Страшно?! – мальчишка испуганно попятился.

– Да не бойсь, – успокоил его отец. – Это только так говорится, чтоб народ привлечь.

Окончание разговора Гончая не дослушала. Она вдруг обнаружила себя направляющейся к цирковым артистам, хотя вроде бы не собиралась этого делать, а уже в следующую секунду разговаривала с Баяном.

– Ты... вы меня помните? Вы меня еще на аккордеоне играть учили.

Он долго вглядывался в застывшую напротив девушку, и когда Гончая уже решила, что он так и не узнает ее, лицо Баяна осветилось радостной улыбкой.

– Варька, ты?

– Я, дядя Баян. – Гончая энергично кивнула, борясь с неожиданным, но очень сильным желанием броситься ему в объятия, как это недавно сделала малышка Майка в туннеле.

– Тебя и не узнать, – развел руками Баян. – Совсем взрослая стала. Замуж небось выскочила? Наверное, уже и дети есть?

– Замуж не выскочила, а дети есть, – неожиданно для себя ответила Гончая. – Дочь.

Баян мечтательно закатил глаза.

– Счастливая. А чем занимаешься? Поешь еще? У тебя, помню, хорошо получалось.

– Бросила, – резко ответила Гончая. – А вы еще играете? Где ваш аккордеон? Или тоже забросили?

– Здесь! Здесь он мой родимый! – Баян указал на одну из коробок. – Я без него никуда. Как двадцать лет назад прибежал с ним в метро, так с тех пор ни разу и не расставался. Видишь, на старости лет в циркачи подался. Артистам аккомпанирую, ну и так, по мелочи. Артистов, правда, только двое от всей труппы осталось. Маэстро, – Баян кивнул в сторону типчика с усами, – да Дори.

– Глори! – тут же поправила его возившаяся рядом женщина.

– Да-да, Глори. Прости, все время путаю, – ответил Баян, даже не взглянув на нее. Гончая так и не поняла, перед кем он извинялся. – Она раньше в варьете на Театральной выступала, а сейчас обручи крутит. Всей программы на полчаса от силы. Маэстро уж по-всякому тянет

время со своими фокусами, а все равно вчера на Новослободской после представления чуть не побили.

– Раньше-то еще Железный Клык с метанием ножей выступал, – перешел на доверительный шепот Баян. – Поставит девчонку к стене и мечет ножи вокруг нее. Лихо, я тебе скажу, у него получалось, зрителям нравилось. А на Проспекте Мира перед выступлением напился до трясучки в руках и всю щеку своей ассистентке ножом распахал.

При упоминании об ассистентке Гончая брезгливо поморщилась, но Баян не заметил этого.

– Клыка из труппы Маэстро, конечно, сразу турнул, хотя девчонке от этого не легче. Мы ее на Проспекте зашивать оставили, патронами для врачей скинулись, чтоб шов ровный, перевязки опять же, а сами – дальше. А девчонка та еще у Маэстро в одном фокусе работала с Глори на пару. Номер, считай, полетел да плюс ножи. А без двух полноценных номеров какая программа? Боюсь, как бы опять не побили.

Баян озабоченно вздохнул. Он хотел что-то добавить, но Гончая перебила его.

– Новослободская, сейчас Белорусская, потом Краснопресненская?

– Точно. У нас вроде как тур по всему Кольцу.

– До какой станции? – задала Гончая самый важный для себя вопрос, но ответ Баяна разочаровал ее.

– До Октябрьской. Мы как раз оттуда начали, там и закончим.

«До Октябрьской», – мысленно повторила Гончая, прокручивая в голове варианты. Только до Октябрьской. Тем не менее там они будут гораздо ближе к Таганской, чем сейчас. И самое главное, там у них с Майкой не будут висеть на хвосте громилы из калганской кодлы. Конечно, Стратег с его связями заставит заткнуться кого угодно, но даже у него на это уйдет какое-то время. Да еще неизвестно, когда он получит письмо. Где его искать, начальник Таганской не знает, значит, будет хранить письмо у себя, пока Стратег сам не обратится к нему. А это может случиться и через день, и через два, и через три. Нет, с Белорусской надо выбираться при первой возможности.

Перехватив на себе сердитый взгляд фокусника Маэстро, недовольного тем, что его помощник за разговорами совершенно забыл о работе, Гончая доверительно взяла старого знакомого под руку.

– Дядя Баян, давай я отработаю номер Клыка с ножами, а вы за это поможете мне и моей дочери выбраться со станции.

– А ты сумеешь? Ножи метать – это ведь непросто.

Баян недоверчиво взглянул на нее. Гончая молчала. И по мере того, как он смотрел ей в глаза, его недоверие растворялось в ее твердом взгляде.

– Правда, что ли, умеешь? – уже другим тоном растерянно пробормотал он.

– Могу показать.

Но Баян торопливо замотал головой.

– Мне не надо. Вон Маэстро, он у нас главный. Раз такое дело, пойдем, отведу.

* * *

Возвращаясь за Майкой, Гончая озабоченно взглянула на электрические станционные часы, установленные над входом в туннель. Она задержалась на платформе дольше, чем планировала. Гораздо дольше. Письмо Стратегу, встреча с Баяном, проверка, устроенная ей Маэстро, – все это заняло целый час, а она не собиралась покидать девочку дольше чем на пятнадцать минут. И ей еще повезло, что глава цирковой труппы оказался таким немногословным, иначе разговор с ним отнял бы куда больше времени.

Усы и борода Маэстро, как и подозревала Гончая, оказались накладными. Возможно, они требовались для сценического образа во время представления, однако вблизи придавали его немолодому морщинистому лицу довольно придурковатый вид, но самому Маэстро, похоже, было все равно. Он хмуро выслушал предложение Гончей, потом молча залез в какой-то мешок и, пошарив там, швырнул ей свернутый в рулон широкий кожаный пояс со множеством накладных карманов. В десяти из них были вставлены узкие метательные ножи. Гончая так же молча вынула один из ножей, взвесила на руке, проверяя балансировку. Железо оказалось мягким, заточка посредственной, но сбалансированы ножи были неплохо. Для серьезного дела они не годились, а для циркового представления – вполне. Она без замаха всплеснула рукой, и нож, мелькнув в воздухе тусклой искрой, вонзился в деревянную балку над головой Маэстро. Гончая потянулась за следующим, но фокусник жестом остановил ее.

– Довольно, – потом повернулся к акробатке, которая тоже присутствовала при разговоре. – Отработаешь с ней в паре, встанешь к щиту.

– Да вы что?! – опешила та. – А если она меня прирежет, как Клык свою...

Но Маэстро не дал ей закончить.

– Встанешь, – повторил он. – Или можешь выметаться ко всем чертям.

Он произнес это совершенно спокойным голосом, словно говорил о чем-то уже давно решенном. Собственно, так оно и было, и это поняли все, включая Глори. Но вместо ожидаемой Гончей истерики, циркачка уронила голову на грудь и разрыдалась.

– Помру я, – причитала она, – а вам и наплевать.

Баян вздохнул и отвернулся. Немногословный Маэстро не сделал даже этого, но Глори и не рассчитывала на слова сочувствия и утешения.

– Три рожка патронов, если задену, – прозвучал в тишине голос Гончей, помнившей голодный взгляд акробатки.

Это решило дело.

Теперь оставалось выполнить данные циркачам обещания и заставить тех выполнить свои. В себе Гончая не сомневалась, да и цирковая труппа не внушала опасений. Даже малообщительный Маэстро и Глори-Дори показались ей надежными людьми. Во всяком случае, подлости от них Гончая не ждала.

Маэстро от душевной рекомендации Баяна настолько проникся к ней доверием, что беспрекословно выдал один из метательных ножей, который Гончая попросила, чтобы потренироваться перед выступлением. Она не испытывала необходимости в тренировке, но с дополнительным оружием чувствовала себя более уверенно. Однако ни полученный от Маэстро нож, ни пристегнутый к щиколотке пистолет не избавили ее от беспокойства. Оно было связано с оставленной под вагонеткой маленькой девочкой, которая поверила ей и рассчитывала на ее защиту.

На платформе все разговоры крутились вокруг предстоящего выступления прибывшей цирковой труппы. Но Гончая не расслаблялась, здесь еще рыскали и ищейки Калгана, разыскивающие обидчицу своего хозяина. Спустившись на пути, ведущие к вагонетке с золой, она услышала доносящийся из тупика шум, а затем разобрала и человеческие голоса. Один из них, без сомнения, принадлежал Майке, другой, мужской и грубый, – одному из барменских подручных.

– Чё ты мне втираешь? Это разве детские шмотки? Говори, куда она пошла!

Гончая перешла на бег, мягкую и бесшумную поступь атакующей хищницы. И тут из-за загородки вновь донесся голос Майки. На удивление спокойный голос.

– Уходи и останешься жив.

Но человек не внял хорошему совету.

– Ты мне угрожаешь, тварь?! – взревел он. – Да я тебя по стенке размажу!

«Обломаешься, размазыватель хренов», – мысленно ответила Гончая.

Ее волнение бесследно исчезло, словно Майка каким-то непостижимым образом передала ей свое спокойствие. Еще два шага, и Гончая оказалась возле загородки. За изгородью спиной к ней стоял широкоплечий амбал, склонившийся над сидящей у вагонетки девочкой. Он пришел в тупик в одиночку и за спину не смотрел, тем самым совершив сразу две фатальные ошибки, но осознал их, только когда выпущенный Гончей нож вонзился ему в шею. Нож имел короткое лезвие и для убийства вроде не годился, но Гончая компенсировала этот недостаток молниеносной реакцией. Перемахнув через изгородь, она в прыжке схватила шатающегося амбала за волосы и изо всех сил приложила виском о выступающий край вагонетки. Послышался слабый хруст, и обмякшее тело мешком повалилось на шпалы.

Женщина тут же оглянулась вокруг, но другой опасности поблизости не было. Она перевела дыхание и обернулась к Майке:

– Испугалась?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Я знала, что ты защитишь меня. Я его предупреждала, – она указала пальчиком на развалившееся на рельсах тело, – но он не послушал.

Майка грустно вздохнула.

– А если бы ушел, остался жив.

«Это вряд ли, – подумала Гончая. – Позволить обнаружившему тебя врагу безнаказанно уйти – все равно что подписать себе смертный приговор». Но вслух этого говорить не стала.

– Жалеешь его?

Девочка кивнула.

– Напрасно. Он бы тебя не пожалел.

Майка снова вздохнула.

– Я знаю. Но все равно жалко, это же был живой человек.

Гончая начала закипать. Прежде слова Майки действовали на нее успокаивающе, но сейчас сопливое девчоночье сюсюканье выводило из себя.

– Это был урод, которому нравилось калечить и избивать людей! Глупый урод! Он дожил до сегодняшнего дня только потому, что ему попадались слабаки! Но рано или поздно любое везение заканчивается!

На этот раз Майка промолчала, чему Гончая была только рада. Ей уже порядком надоел этот бессмысленный спор. Склонившись над телом амбала, она сноровисто обыскала его. За поясом обнаружился кустарный револьвер крупного калибра – громоздкое и неудобное оружие, но чрезвычайно убойное на близком расстоянии до цели. Гончая сунула револьвер в свою походную торбу, потом подхватила увесистое тело за ворот и брючный ремень и кое-как затолкала под вагонтку. Если им с Майкой повезет, труп обнаружат не раньше завтрашнего утра, когда уборщики придут сюда вываливать золу.

Прежде чем уйти, Гончая осмотрела собственные руки. Они по локоть были в золе. Одежда выглядела не лучше. Зато следов крови видно не было.

– Ты вся испачкалась, – глядя на нее, заметила Майка.

Действительно, но у циркачей наверняка есть вода, возможно, отыщется и комплект относительно чистой одежды для выступления.

Гончая взяла девочку за руку.

– Идем отсюда. Скоро мы будем в безопасности.

* * *

Таких удивительных людей Майка еще не видела.

– Баян, Глори, Маэстро, – представила их женщина-кошка и убежала за занавеску умыться.

Глори с ведром воды и ковшом в другой руке последовала за ней. Она боялась незнакомку, Майка это чувствовала, но все равно пошла за занавеску, чтобы ей помочь. После того как женщина-кошка повысила на Майку голос, она и сама ее немного опасалась, поэтому даже обрадовалась, что на какое-то время смогла остаться одна. Не совсем одна, а в компании таких необыкновенных людей.

Самым удивительным оказался Маэстро. У него были чужие невзаправдашние усы и такая же ненастоящая борода, а на голове вместо шапки какой-то скрученный из белой ткани узел, который он гордо называл *чалмой*.

По сравнению с ним другой дядечка, которого звали Баяном, выглядел как обычный человек, зато его большой музыкальный агрегат поражал воображение обилием продолговатых черно-белых клавиш и кнопок. Но самым удивительным в агрегате было даже не это, а то, что он растягивался в стороны, когда Баян тянул его обеими руками. При этом внутри что-то происходило, и наружу лились удивительные по красоте звуки.

– Нравится? – спросил Баян, когда Майка заслушалась музыкой из непонятного агрегата. – Ты бы знала, как твоя мама в детстве под эту мелодию пела. Может, еще споет, как думаешь?

Мама уже ничего не могла спеть, она давно умерла. Но Баян говорил не о родной маме Майки, а о женщине-кошке, которая назвала ее своей дочерью. Женщина-кошка соврала этим людям точно так же, как раньше бармену, и Майка пока не знала, как к этому относиться.

С одной стороны, женщина-кошка поступила плохо, потому что сказала неправду. И мама, и сестра учили Майку говорить только правду. Да она бы и не смогла соврать! А женщина-кошка делала это легко и свободно. Но с другой стороны, если бы она сказала бармену, как есть на самом деле, то он или его помощники сразу схватили бы девочку и продали нехорошим людям, а те причинили бы ей много-много боли. Своим обманом женщина-кошка спасла ее. Выходит, говорить правду не всегда хорошо?

В другой раз Майка непременно задумалась бы над этим вопросом, но сейчас вокруг было столько интересных вещей, что она и не знала, на чем остановиться, куда смотреть! Вот хотя бы большой черный ящик, внутри которого сидело что-то живое. Майка подошла ближе. В ответ из ящика донеслось глухое повизгивание и более громкое царапанье.

– Кто здесь? – шепотом спросила Майка.

Визг прекратился, зато царапанье стало громче.

– Цыц, шавка! – прикрикнул Маэстро, который в это время приглаживал свои накладные усы, глядя в осколок зеркала.

На какое-то время в ящике наступила тишина, а потом царапанье снова возобновилось.

– Гулять просится, – вздохнул Баян.

Хотя он даже не смотрел в сторону Маэстро, тот почему-то принял его слова на свой счет. Он убрал зеркало и, повернувшись к Баяну, сердито заговорил:

– Что ты опять начинаешь? Отработаем представление, тогда и погуляю. Можешь и сам погулять, если такой сердобольный. Или вон свою старую знакомую попроси. – Он кивнул в сторону занавески, за которой все еще лилась вода. – Можете хоть всю ночь, хоть до самого отъезда гулять.

Баян снова вздохнул, но ничего не ответил. А узнать, кто в ящике, очень хотелось. Собравшись с духом, Майка подергала его за рукав.

– Дядя Баян, кто у вас там?

– Шавка. – Он шагнул к ящику, но в последний момент остановился и оценивающе взглянул на Майку. – Не забоишься? Вижу, что не забоишься. Тогда гляди.

Майка затаила дыхание и даже приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть, когда Баян отодвинул железный засов и слегка приоткрыл крышку ящика.

Внутри сидел похожий на собаку лохматый зверь. Только шерсть у него была не такая густая, как у собак с Тверской, глаза мельче, морда короче, а одно ухо почему-то гораздо крупнее другого. Увидев перед собой незнакомую девочку, зверь сразу вскочил на все четыре лапы и смешно завилал одновременно двумя хвостами.

– Кто ты? – спросила у зверя Майка.

Он издал в ответ протяжный звук – не визг и не рычание, а что-то среднее.

– Ишь ты, отвечает, – покачал головой Баян.

– Собака это, мутант, – сказал подошедший ближе Маэстро. – Я ее у егерей на Ганзе купил. Те ее на потраву охотникам вели. Есть у местных толстосумов забава разных специально отловленных тварей стрелять. Пристрелили бы шавку потехи ради. А я гляжу – глаза умные. Вот и пожалел. Потом к фокусам приспособил. Так что теперь шавка нас кормит.

– К фокусам?

Вопрос задала женщина-кошка. Никто не заметил, как она подошла, но Майку это не удивило. Она умылась, расчесала волосы и переоделась в облегающий черный костюм, расшитый серебристыми звездами. Майка изумленно выкатила глаза, да и не она одна. Все как зачарованные смотрели на женщину-кошку, которая словно помолодела сразу на несколько лет.

– Варька, ты прямо картинка! – восхищенно покачал головой Баян.

Он еще не закончил говорить, но Майка уже знала, чего ей хочется: нарисовать портрет женщины-кошки. Та, видимо, как-то поняла ее желание, хотя Майка подозревала, что женщина-кошка не умеет читать мысли. Она шагнула к Майке и протянула ей целых четыре или даже пять листов бумаги и маленький карандаш.

– Держи. Это тебе. Подарок от меня. И извини, что я на тебя накричала.

Майка хотела поблагодарить ее за бумагу и карандаш, особенно за бумагу, но женщина-кошка уже повернулась к Маэстро.

– Так что насчет фокусов?

– А? – Маэстро тряхнул головой, словно отгонял наваждение, и принялся объяснять. – Тут ставим перегородку, и получается как бы еще один отсек. Зрители шавку не видят и думают, что ящик пустой. В него на сцене Глори залезает. Потом я ящик открываю, а в нем уже не она, а шавка. Ничего особенного, но народу нравится.

– Это у нас гвоздь программы, – поддержал коллегу Баян. – Красавица и чудовище! Магическое превращение!

Воспользовавшись тем, что на нее никто не смотрит, Майка исподтишка взглянула на Глори. В отличие от женщины-кошки назвать ее красавицей можно было лишь с большой натяжкой. Маэстро, видимо, пришел к такому же выводу. Он еще раз оценивающе взглянул на новенькую в своей труппе и спросил:

– Поработаешь в номере с шавкой? Еда и проживание за наш счет. Согласна?

Та на секунду задумалась.

– Согласна, если довезете нас до Октябрьской.

Маэстро сразу повеселел и молча протянул женщине-кошке руку. Майка тоже радостно заулыбалась. Она понятия не имела, куда и зачем направляется женщина, да ее это не особенно и интересовало. Главное, они отправятся в путешествие через все метро! Октябрьская – это же почти на противоположной стороне Кольца! И все это время, пока они вместе будут туда добираться, Майка сможет разговаривать с этими удивительными людьми, наблюдать за их работой и восхищаться теми чудесами, которые они называют фокусами. А если еще удастся уговорить женщину-кошку спеть под музыку дяди Баяна, вообще будет просто замечательно.

* * *

Все получилось на редкость удачно, Гончая даже не ожидала подобного везения. Пока она прикидывала, как убедить Маэстро оставить ее в цирковой труппе до конца гастрольного тура, что позволило бы им с Майкой без проблем добраться до Октябрьской, он сам предложил ей это. Гончей даже пришлось притушить вспыхнувший радостью взгляд, чтобы не бросалось в глаза чужим. Майка оказалась единственной, кто почувствовал ее настроение, и засияла, как новенький патрон.

А уже через минуту чудесный план затрещал по швам, когда Маэстро протянул ремень с девятью ножами.

– Потренировалась? – спросил он.

– Немного, – проглотив застрявший в горле ком, быстро ответила Гончая.

И вновь, никто кроме Майки, не заметил, как дрогнул ее голос.

– А что так? – зацепился за невразумительный ответ Маэстро.

Но Гончая уже справилась с волнением и полностью овладела собой и своим голосом.

– Нож сломался. Пришлось выбросить, – спокойно ответила она.

Нож остался в шее амбала, труп которого она запихнула под вагонетку. Уже давно (да, никогда!) Гончая не совершала таких ужасных ошибок и сейчас не могла понять, как это случилось. Да, в тупике было довольно темно! Да, она ужасно разозлилась, споря с Майкой! Но не настолько, чтобы не заметить торчащий из раны нож, тем более забыть про него! И все же это произошло. И если бы Маэстро своим вопросом не напомнил о случившемся, она бы так и не вспомнила о забытом ноже.

– Как сломался? – опешил фокусник.

– Так получилось. – Гончая виновато развела руками, потом выгребла из торбы пять оставшихся патронов и протянула на ладони фокуснику. – Вот, компенсация.

Поколебавшись, он отвел ее руку.

– Оставь себе. Потом отработаешь.

«Неожиданно. И благородно». Недавно Маэстро собирался выгнать акробатку, потому что она побоялась рискнуть своей жизнью, а к незнакомой артистке вдруг проявил сочувствие. Но уточнять мотивы его поступка Гончая не стала, а молча высыпала патроны обратно. До начала заявленного представления оставались считанные минуты, а ей еще предстояло принять собственное решение.

Если шакалы Калгана обнаружат труп своего поделника, то найдут и забытый ею нож. Если они придут на цирковое выступление, а в этом Гончая практически не сомневалась, ее сразу же опознают. В лицо ее знает только Калган, а он со своим выбитым глазом вряд ли присоединится к зрителям, поэтому шакалы не смогут ее узнать. А вот нож узнают без труда! Все цирковые ножи одинаковые. Значит, все зависит от того, когда именно найдут труп. До отъезда цирковой труппы или после? Или уже нашли?! Если тело обнаружено, выходить к зрителям ни в коем случае нельзя. Что же делать? Отказаться от выступления – значит застрять на Белорусской. И неизвестно, чем все это кончится!

Неожиданно Гончая почувствовала в своей руке мягкую детскую ладошку. Опустив взгляд, она встретила с ясными глазами Майки.

– Не волнуйся. Все будет хорошо.

От этих слов по всему телу растеклось приятное успокаивающее тепло.

– О чем ты?

– Сама знаешь.

Гончая сжала пальцы, стиснув Майкину ручку, но девочка не попыталась освободиться и не отвела взгляд, хотя ей наверняка стало больно.

Сама знаешь. О чем? О том, что во время циркового представления ничего угрожающего не случится? Но знает ли она об этом? А вот Майка, похоже, знает.

– Так мне идти? – растерянно пробормотала Гончая.

Это был глупый вопрос, но девочка, похоже, так не думала. Она утвердительно кивнула и добавила:

– Иди и ничего не бойся.

Майка как в воду глядела. Никаких проблем во время представления не возникло. Абсолютно. Даже Глори беспрекословно встала к деревянному щиту и с улыбкой развела в стороны руки, хотя Гончая думала, что акробатку перекосит от страха. Она тоже отработала блестяще: два ножа у талии, два – под мышки, два – точно напротив прижатых к стене ладоней, еще два – возле ушей. Глори даже не поморщилась. Последний девятый нож, как завершающий штрих, Гончая всадила акробатке между ног в двух сантиметрах от тела. Зрители свистели и хлопали в ладоши. Хотя восторга у них наверняка было бы больше, если бы она взяла на пару сантиметров выше.

Номер с шавкой, превращение красавицы в чудовище, тоже прошел на ура. Собравшаяся на представление толпа одобрительно загудела, и этот гул не смолкал, наверное, не меньше минуты, хотя сама Гончая ничего не видела, поскольку сидела в ящике за фанерной перегородкой.

Потом, когда ящик увезли за занавеску, отделяющую пятак арены от цирковых кулис, и она выбралась наружу, Майка со счастливым лицом протянула ей свой новый рисунок.

– Это мне? – Гончая с улыбкой приняла подарок.

После представления ею владело какое-то странное чувство, больше всего похожее на удовольствие. Хотя никаких поводов для этого не было, все равно оказалось приятно. Да, черт возьми, ей понравилось! Понравилась звучащая на арене музыка и аплодисменты зрителей. Понравилась реплики Маэстро, которыми он сопровождал свои фокусы. Занимательные, надо сказать, фокусы! Даже доверчивые глаза акробатки, которые в упор смотрели на Гончую, в то время как ее губы тряслись от страха, и те понравились.

– Тебе, – подтвердила Майка. – Я для тебя нарисовала.

Гончая потрепала девочку по голове.

– Спасибо.

Майка расплылась в довольной улыбке, но не уходила.

– Можно тебя попросить?

– Смотря о чем, – слукавила Гончая. В этот момент ей так хотелось осчастливить еще кого-нибудь, что она сделала бы для девочки все что угодно.

– Спеть. Дядя Баян сказал, что ты красиво поешь.

«Вот же болтун! – беззлобно подумала Гончая. – Растрепал уже».

Она не пела с тех пор, как сбежала с Театральной. Лишь иногда мурлыкала вспомнившуюся мелодию, чтобы поднять себе настроение, когда никто ее не слышал. Но по-детски наивная просьба Майки не вызвала внутреннего протеста. Когда-то она действительно недурно пела, и даже Баян со своим музыкальным слухом это признавал.

– Представление закончится, спою.

– Здорово! – радостно завизжала Майка.

Гончая не ответила. Она наконец взглянула на подаренный рисунок. И застыла как вкопанная. Улыбка приклеилась к лицу, хотя улыбаться больше не хотелось. Совсем.

– Кто это?

– Ты. Разве ты не узнаешь себя? – удивилась Майка. – Я же тебя нарисовала.

Гончая узнала себя. Узнала сразу. И лицо, и прическу, хотя это была другая прическа, и главное – одежду!

– Когда ты меня видела? Где?!

В изображенной на рисунке одежде: косой кожаной куртке на молнии и галифе девчонка могла видеть ее только в Рейхе. Это была любимая одежда любовницы фюрера, личная униформа Валькирии, в которой та показывалась только на занятых фашистами станциях и больше нигде. Нигде и никогда! Даже Стратег не видел ее в этой куртке и в этих брюках. А штурмовики Рейха, не принадлежащие к правящей элите, не видели лица любовницы своего лидера, потому что на всех массовых мероприятиях Валькирия появлялась в маске. А какая-то шестилетняя девчонка без рода и племени видела и то и другое!

Гончая схватила девчонку за плечи и как следует встряхнула.

– Отвечай сейчас же!

– Я... я не видела, – промямлила Майка. – Просто представила и нарисовала... думала, тебе понравится.

У нее на глазах выступили слезы, одна слезинка даже скатилась по худой щеке. Но Гончая не собиралась жалеть упрямую девчонку.

– Не лги мне! – она замахнулась, чтобы вlepить мелкой упрямце оплеуху и лишь в последний момент сдержала руку. – Скажи, где ты меня видела в этой одежде? Я должна знать! Это важно!

Для пущей убедительности Гончая сунула девчонке под нос ее рисунок, но та только замотала головой.

– Я не вру. Я не знаю, откуда это берется. Просто закрываю глаза и вижу.

Девчонка уже рыдала навзрыд, слезы двумя ручьями струились по щекам, а голова при каждом всхлипе дергалась на тонкой шейке. Гончая поняла, что ничего от нее не добьется, пока та хоть немного не успокоится.

– Подбери сопли и прекрати ныть, – велела она Майке, но строгий приказ не очень-то подействовал на ревущую девчонку.

Та, правда, вытерла лицо кулачком и отвернулась, уставившись на сидящую в ящике двухвостую собаку, но ее всхлипы слышались еще долго. Откуда-то появилась Глори, но после того, как Гончая сердито зыркнула на нее, поспешно ретировалась.

* * *

Слезы постепенно высохли, но легче Майке не стало. Незаслуженная обида жгла ее изнутри. Как же так? Почему?! Ведь она, наоборот, хотела сделать женщине-кошке приятное. И рисунок получился. Это был хороший рисунок! У Майки лишь изредка получалось так похоже изображать людей. И женщина-кошка на рисунке вышла такая красивая. Но взглянув на свой портрет, она не обрадовалась, а накричала на Майку, да еще и обвинила во лжи. Женщина-кошка не просто рассердилась. Она испугалась, когда увидела рисунок. Но как можно испугаться своего портрета?

Страх у женщины-кошки Майка заметила впервые. Она дралась с убийцами Майкиной сестры и с толстяком в баре, и с плохим человеком, в теле которого оставила свой нож. Майка даже думала, что женщина-кошка вообще ничего не боится, но ее почему-то испугал обыкновенный рисунок.

Она исподтишка взглянула на женщину-кошку, но та все еще злилась и прогнала заглянувшую за занавеску Глори одним своим взглядом. К счастью, цирковое представление вскоре закончилось, и с арены вернулись дядя Баян и Маэстро. При их появлении женщина-кошка тут же как будто успокоилась, скрывая свои чувства. И хотя Майка видела, что ее злость и страх на самом деле никуда не делись, ей все равно стало немного полегче. А когда дядя Баян от души обнял женщину-кошку и прижал к груди, Майка даже улыбнулась.

– Молоток, Варька, молоток! – приговаривал он, хлопая женщину-кошку по спине. – Ты где так ножи-то кидать научилась?

Та что-то неразборчиво пробормотала в ответ, и Майка поняла, что, когда женщина-кошка сильно рассержена или испугана, ей становится сложно солгать. Но Баян не обратил внимания на ее ответ. Он повернулся к Глори и спросил:

– Видала? А ты: «прирежет, помру я».

– А я, что? Я ничего, – ответила та и поспешно отошла в сторону.

– Хорошо отработала, на кураже. И публика довольна, – вмешался в разговор Маэстро. – Значит, хочешь доехать с нами до Октябрьской?

Женщина-кошка отстранилась от Баяна и выстрелила в Маэстро своим холодным острым взглядом.

– Мы, кажется, договорились?

Тетю Глори недавно от такого взгляда словно ветром сдуло, а Маэстро только усмехнулся в свои фальшивые усы.

– Я от своего слова не отказываюсь. Ты мне вот что скажи: паспорта у вас есть?

Женщина-кошка отрицательно покачала головой.

– Как же тогда, Варь? – растерялся Баян. – На Ганзу и без документов?

Майка поспешно перевела взгляд на Маэстро. Судя по невозмутимому лицу фокусника, ответ женщины-кошки не стал для него неожиданностью. Маэстро покрутил пальцами кончик уса и сказал:

– Ну, положим, тебя мы сможем через кордон провести. У меня групповой пропуск на троих: двое мужчин и женщина.

– А как же я? – испуганно вскрикнула Глори.

– А ты по своему паспорту пройдешь! – оборвал ее Маэстро. – У тебя-то паспорт в порядке... А вот что с твоей дочкой делать, это вопрос.

Майка испуганно переводила взгляд с женщины-кошки на фокусника и обратно. Неужели та бросит ее здесь, на станции?! До последнего разговора Майка была уверена, что этого никогда не случится. Но тогда женщина-кошка еще не пыталась ее ударить.

«Не оставляй меня, пожалуйста! – захотела крикнуть она. – Я больше не буду тебя рисовать! Если хочешь, я порву этот рисунок! Все порву!» Но не крикнула – слова застряли в горле. А женщина-кошка даже не взглянула на нее, она шагнула к ящику, в котором сидела шавка, и постучала согнутыми пальцами по крышке.

– Красавица и чудовище.

– О чем ты, Варька? – недоуменно пробормотал Баян.

Зато Майка поняла, что женщина-кошка имела в виду. Маэстро тоже понял, снова усмехнулся в усы и одобрительно покачал головой.

– Отчаянная. А дочка-то не испугается? – он повернулся к Майке и спросил: – Посидишь с шавкой в одном ящике, пока мы через кордон на Ганзу пойдем, не испугаешься?

Майка удивилась такому вопросу. Шавка была совсем не страшная, по-своему даже милая. Чего ее бояться? Маэстро, видимо, заметил ее удивление и сказал:

– Вижу, что не испугаешься, – потом повернулся к женщине-кошке и добавил: – И дочка такая же отчаянная. Вся в тебя.

Майка тоже обернулась к женщине-кошке: что она на это скажет? Но та ничего не ответила.

Глава 4

Кто ты такая?

В ожидании пассажирской дрезины на станционном перроне собралось около десяти человек.

«Девять, – уточнила Гончая, пробежав взглядом по лицам и фигурам отъезжающих пассажиров. – Семеро мужчин и две женщины».

Среди мужчин оказались два брамина из Полиса, которые встретились ей в баре. Остальных пассажиров она видела впервые. На первый взгляд никто не представлял опасности, и Гончая позволила себе еще немного отпустить сжатую внутри пружину.

Слегка расслабилась она, когда цирковая труппа пересекла границу, отделяющую Белорусскую-кольцевую от радиальной. На самом деле граница не просто разделяла две соседние станции – она отделяла сытую Ганзу от всего остального мира Московского метро. Попасть на Ганзу оказалось на удивление легко, хотя Гончая подготовилась к любым неожиданностям и внутренне настроилась на отчаянную схватку. Но единственной неожиданностью для нее стала формальность проверки, устроенной пограничниками.

Один из них, и то лишь для порядка, мельком взглянул в поданный Маэстро пропуск, другой сразу принялся отодвигать загораживающий проход барьер. К стоящему на телеге ящику с собакой – «чудовищем» и «красавицей» – Майкой никто из них даже не подошел. Маэстро, похоже, не сомневался в таком исходе или умел владеть собой не хуже Гончей, а вот Баян заметно нервничал, хотя ганзейские пограничники не обратили внимания на его тревогу.

На кольцевой станции, где труппа Маэстро дала представление, прежде чем перебралась на радиальную, возвращение цирковых артистов никого не заинтересовало. Возможно, после представления жители Кольца утратили к циркачам интерес, а скорее всего, считали всех пришлых и транзитников чужаками, недостойными их внимания. Никто и не заметил, где и когда к трем цирковым артистам присоединилась маленькая девочка, которую Гончая и Маэстро незаметно достали из ящика.

Запертая там двуххвостая собака обиженно таякнула, тоже просясь наружу, но Маэстро быстро захлопнул крышку, и она замолкла. Майка тоже молчала – выдерживала характер и только стреляла любопытными глазенками по сторонам.

Она впервые попала на Кольцо, и для нее все здесь было в диковинку. Но задерживаться на Белорусской, пусть и кольцевой, Гончая не собиралась. Маэстро в этом был с нею солидарен и сразу покатил телегу с реквизитом к той части платформы, которая на Ганзе, и только на Ганзе, гордо именовалась Перрон.

Из всех линий Московского метрополитена только на Кольце было организовано регулярное движение пассажирских и грузовых дрезин, и Ганза этим очень гордилась. Каждый местный житель считал своим долгом непременно сообщить всем прибывающим о существовании железнодорожного сообщения между станциями Кольцевой линии, поэтому когда чужак забредал на Ганзу, об этом ему рассказывали буквально все. Проезд стоил относительно недорого: пять патронов с человека и от трех до десяти за каждое место багажа в зависимости от его размера.

Акробатка Глори прошла пограничный контроль до цирковой труппы по своему паспорту и, следуя указанию Маэстро, ожидала остальных артистов на перроне. Рядом прогуливались, стояли или сидели на своих узлах и чемоданах остальные пассажиры. Маэстро вкатил на перрон телегу с цирковым инвентарем и, оставив ее на попечении Глори и Баяна, отправился на поиски работника станции, ответственного за пассажирские перевозки. Пока он отсутствовал, Баян попытался выяснить у дородной женщины, облапившей здоровенный тюк, скоро ли

отправится следующая дрезина, но ничего от нее не добился и обратился с тем же вопросом к другим пассажирам. Однако никто ничего толком не знал.

Гончую это не удивило. Несмотря на то что Ганза громогласно объявила на все метро об открытии у себя регулярного железнодорожного сообщения, дрезины ходили не по расписанию, а по мере их заполнения. Сейчас никакой дрезины на путях не наблюдалось, и ожидающие отправки пассажиры заметно нервничали, а Баян своими расспросами только подлил масла в огонь.

Майка крутилась на перроне, глаза по сторонам, однако от своей названной «мамаши» дальше чем на десять шагов не отходила. Гончая предпочла бы, чтобы она не шныряла вокруг, а сидела рядом и молчала, чтобы не привлекать к себе и «мамаше» ненужного внимания, но не осадилась девчонку. Майка и так сердилась на нее после их последнего разговора, и лучше было не усугублять возникшую размолвку.

Однако ситуация оставалась сложной и необъяснимой. Да и заданные девчонке вопросы требовали ответов. Убедившись, что пассажиры заняты своими делами и за ней никто не наблюдает, Гончая уселась на пол, отгородившись от всех остальных тюками и коробками с цирковым инвентарем, достала из кармана скомканный листок и, разгладив его на колене, взгляделась в последний Майкин рисунок.

Девчонка заявила, что просто придумала ей новую одежду. Но это была та самая одежда – одежда Валькирии, никаких сомнений! Даже наклон застежки-«молнии» на кожаной куртке был передан с поразительной точностью! Допустить, что Майка случайно угадала одежду, как она говорит, – полный абсурд! С другой стороны, как могла малолетняя девчонка с нищей Маяковской попасть на факельное шествие или парад штурмовиков Рейха? Да никак! Неужели тайно пробралась с Маяковской на Тверскую, Пушкинскую или Чеховскую и там подглядывала за Валькирией?

Гончая вспомнила реакцию Майки на ее слова.

Я не видела... просто представила и нарисовала.

«Не лги мне!»

Я не вру. Я не знаю, откуда это берется. Просто закрываю глаза и вижу.

Похоже, девчонка действительно не лгала. Во всяком случае, никаких внешних признаков лжи Гончая у нее не заметила.

Просто закрываю глаза и вижу.

Повинуясь внезапному порыву, Гончая выхватила из походной сумки остальные Майкины рисунки. Мельком она уже просматривала их, но, похоже, настала пора взглянуть на художества девчонки более внимательно.

Большинство рисунков оказались будто отражением жизни в московской подземке: темные туннели, мрачные или, наоборот, светлые станции, какие-то незнакомые Гончей люди. Но несколько рисунков, точнее три, выделялись из общего числа. На всех трех девочка изобразила поверхность. На первом – большая церковь, скорее даже собор, с расколотым куполом стояла на фоне обезлюдевших, заброшенных зданий, а над ней в воздухе кружили хищные крылатые твари. В метро их называли по-разному: птеродактили, вичухи, даже драконы. Бывалые сталкеры, которые встречали их на поверхности и сумели вернуться назад, рассказывали о крылатых монстрах, как о самом страшном кошмаре московского неба. А один из инструкторов, обучавший Гончую азам выживания на поверхности, однажды обмолвился, что семейство таких тварей устроило гнездо внутри разрушенного купола храма Христа Спасителя.

Гончая по-новому взглянула на рисунок, который держала в руках. Вдруг ветеран-инструктор, увидев рисунок, решит, что он сделан с натуры? Что-то подсказывало ей, что опытный сталкер придет именно к такому выводу.

На втором рисунке Майка изобразила множество одинаковых голых человекообразных существ. Они стояли плотной толпой с задранными в небо головами, а сверху на них несло

нечто, напоминающее комету или запущенную ракету, оставляющую за собой расходящийся дымный шлейф. Загадочный рисунок не вызвал в памяти Гончей никаких ассоциаций, и она взяла в руки следующий, третий по счету.

В отличие от двух других там было изображено здание, которое Гончая знала очень хорошо – Большой театр! Но это был довоенный театр с известной на весь мир колоннадой, состоящей из восьми колонн, и конной квадригой, венчающей портик. Когда-то другая маленькая девочка за руку с матерью не раз проходила по Театральной площади, мимо фасада Большого театра, любуясь этими колоннами и этой скульптурой. Даже бьющий фонтан, который нарисовала Майка перед Большим театром, находился на своем месте. Но то, что запомнила девчонка, превратившаяся через двадцать лет в отчаянную охотницу за головами, не могла знать сирота, родившаяся в метро через пятнадцать лет после ядерной войны и никогда не выбиравшаяся на поверхность! Следуя логике, Майка не могла нарисовать эти рисунки, потому что не видела то, что на них изображено. Или все-таки видела?

«Закрываю глаза и вижу».

Гончая повернулась к бесцельно разгуливающей по перрону девочке. Та заинтересовалась клеткой с курами, которая была у пары ожидающих отправления челноков, и, присев на корточки, с любопытством разглядывала птиц. Она вела себя точно так же, как и другие дети, ничем не отличаясь от них. Однако Стратег, похоже, так не думал.

Гончая задумчиво сдвинула брови.

«Кто же ты такая?»

* * *

Последнее задание сразу насторожило своей необычностью. Никогда прежде Стратег не вызывал ее в Полис, хотя сам бывал там неоднократно. Но больше всего Гончую удивил выбор места встречи. Не бар, не гостиничный номер, даже не кабинет одного из руководителей станционной администрации – библиотека Полиса. Причем не общедоступное место, а ее святая святых – читальный зал!

Когда Гончая вошла туда, в читальном зале не было ни одного брамина, что также выглядело подозрительно. Стратег, заложив руки за спину, в одиночестве расхаживал вдоль книжных полок, но при ее появлении сразу прошел к письменному столу, на котором лежала завязанная картонная папка. Стратег развязал тесемки, и глаза Гончей изумленно полезли на лоб.

После вызова в Полис и вида пустого читального зала она была внутренне готова к чему-то особенному. Но такого никак не ожидала. Происходящее можно было бы принять за шутку или дорогой, но бессмысленный розыгрыш, если бы не озабоченное лицо Стратега. В папке оказались карандашные рисунки, выполненные не очень умелой рукой. Три штуки! И больше ничего!

Стратег выложил рисунки в ряд. На одном была изображена часть станционной платформы, на другом – какое-то помещение, на третьем – спорящие друг с другом люди. Ничего особенного.

– Знаешь, что это?

– Рисунки.

– Знаешь, что нарисовано?! – сорвался на крик Стратег и хлопнул по столу своей холеной ладонью. Прежде он не выходил из себя по столь ничтожному поводу. Да и по серьезному поводу тоже.

Гончая пожала плечами.

– Откуда?

Как ни странно, такой ответ успокоил Стратега. Он убрал ладонь со стола и аккуратно поправил сдвинувшиеся рисунки.

– Когда-нибудь видела похожие картинки? Не спеши, подумай.

Гончая хотела ответить отрицательно, но затем все-таки задумалась и после некоторого размышления неуверенно кивнула.

– Кажется, видела.

– Где?! – вскинулся Стратег.

– Не помню где. На каком-то транзитном полустанке сидящий у костра старик показывал похожую картинку своим слушателям.

– Кто он?

– Никто. Обыкновенный старик, возможно, бродяга.

Стратег нахмурился, что-то обдумывая.

– Давно это случилось?

– Где-то с месяц назад.

– Что было на рисунке?

Гончая задумалась.

– Какая-та станция, кажется, с колоннами. Да, старик болтал, что это Новослободская! – внезапно вспомнила она. – Хотя на картинке были панно из мозаики и витражи, которых там нет.

– Значит, панно из мозаики, – повторил Стратег и задумчиво постучал согнутым пальцем по столу. – О чем был разговор?

– Я его не слышала. Люди коротали время у костра, а я проходила мимо. В этот момент один из них и достал свой рисунок.

Стратег снова задумался, на этот раз его молчание длилось гораздо дольше. Гончая терпеливо ждала, когда он перейдет к сути предстоящей задачи. Она уже поняла, что это не шутка и не розыгрыш. Чем-то эти примитивные рисунки заинтересовали ее нанимателя. Заинтересовали настолько, что он срочно вызвал ее в Полис. Наконец Стратег снова заговорил:

– Мне нужен автор этих рисунков. Я хочу, чтобы ты его нашла и доставила мне.

– Кто он?

– Это тебе и предстоит выяснить.

Все, кого прежде требовалось найти, имели немалый авторитет в метро, и их, как правило, сопровождали повсюду вооруженные до зубов головорезы. Да они и сами могли за себя постоять. В остальном же новое задание ничем не отличалось от предыдущих.

– Есть вводная информация?

– Есть. – Стратег кивнул. – Эти три рисунка были приобретены у молодой девки. По словам торговца, который их купил, девке на вид около двадцати лет, одета бедно. Но она их не рисовала!

– Сколько взяла?

– Торговец сказал: десять пулек. Возможно, соврал. Что за цена десять патронов за три рисунка? Но уже не выяснишь. Этого челнока недавно прикончили грабители. Напали в перегоне на караван и всех вырезали.

– Где он встретил ту девку?

– Сказал, что на Белорусской. А так или нет, теперь не узнать.

Гончая склонилась над рисунками. Серая неровная бумага, дешевый карандаш. И все же! Карандаш и бумага у бедно одетой девки?

– Рисунки как будто детские.

– Я тоже так думаю! – воскликнул Стратег. – Возможно, их нарисовал ее младший брат или сестра.

– Я найду его.

Гончая хотела собрать рисунки со стола, но Стратег перехватил ее руку.

– Э, нет! Эти картинки останутся здесь, – твердо заявил он. – Скорее всего, у художника имеются и другие работы. Добудь их. Все до последнего листочка. И еще, это крайне важно! Автор рисунков ни в коем случае не должен злиться на меня! Наоборот, он должен любить и обожать меня, как собственного отца. Ну, или как собственную мать!

Судя по заключительной шутке, под конец разговора Стратег пришел в благодушное настроение. Пока Гончая изучала рисунки, запоминая «руку художника», он достал из внутреннего кармана плоскую инкрустированную фляжку и жадно присосался к горлышку.

* * *

– Да вообще беда, – доверительно сказал один дядечка другому.

Майка внимательно прислушивалась к разговору их хозяев, хоть и разглядывала сидящих в клетке курочек. Она уже узнала, что там, куда дяденьки везут своих птиц, с местными курочками что-то случилось, только не поняла, на какой станции это произошло.

А дяденька тем временем продолжал:

– Сначала у них куры нестись перестали, и главное, все разом! Потом хуже. Метаться по клеткам начали, о решетки биться и перья друг у друга выдирать.

– Да ты что?! – опешил его слушатель.

– То-то и оно, – озабоченно вздохнул первый. – Птичницы уж чего только не делали. И свет в курятниках гасили, и клетки тканью накрывали, чтобы кур успокоить, даже витамины в корм подсыпали. Ничего не помогло. Так все куры и передохли. Большинство от страха, другие о собственные клетки побились, а какие вообще заклевали друг друга.

– Я вот слышал, раньше гриб такой был ядовитый. Курица или какая другая птица склюет его и сразудохнет. Так и назывался птичий гриб.

– Да какой гриб?! – отмахнулся рассказчик. – У них птичницы опытные, какие-нибудь поганки своим курам давать не стали бы, только проверенные грибы.

– Может, не гриб, – согласился слушатель, – а какая другая болезнь.

– Сначала думали – бешенство, потому что куры как будто взбесились. Но чтобы все птицы одновременно бешенством заразились, такого вообще никогда не бывало. Да и мясо у подошедших кур нормальное оказалось, не заразное. Так что, это, я тебе скажу, вообще не болезнь.

– А что же тогда?

– Один тип ученый, не по курам ученый, а так вообще. Так вот этот ученый сказал: «Внешнее воздействие!» А что это такое – черт его знает, – развел руками рассказчик. – Но пока это не выяснили, птичницы боятся сразу много кур закупать. Видишь, пока только десяток заказали.

Он перевел взгляд на птичью клетку и лишь тогда обратил внимание на Майку:

– Ты чего тут делаешь? Давай-ка гуляй отсюда.

Сказано это было беззлобно, да и человек явно не собирался вставать с насиженного места, но Майка на всякий случай отошла в сторону. Запертые в клетку курочки с тоской посмотрели на нее, словно... словно знали, что там, куда их везут, им тоже не выжить.

Взор Майки на мгновение застлала пелена, а потом она вдруг ясно увидела птичьи клетки, и в них среди вороха разлетевшихся перьев неподвижные и окровавленные куриные тушки. Услышала и шум, похожий на скрежет, он доносился из-под земли и был как-то связан с погибшими птицами. По спине Майки пробежал холодок, и она вздрогнула от неожиданности, хотя не поняла, чего больше испугалась: вида растерзанных мертвых птиц или этого подземного шума.

– Ну и история, – покачал головой слушавший рассказчика дядечка. – Мне даже не по себе стало. А девчонка вообще перепугалась. Гляди, побледнела вся.

В первый миг Майка не сообразила, что речь идет о ней, она поняла это лишь тогда, когда внезапно появившаяся женщина-кошка обняла ее за плечи и требовательно спросила:

– Кто тебя испугал?

Она строго взглянула на хозяев кур, и те сразу притихли, причем рассказчик подался назад, а его слушатель втянул голову в плечи. Майка перепугалась, что женщина-кошка сейчас сделает обоим дяденькам больно, и поспешно сказала:

– Никто. Я просто увидела...

– Что ты увидела?

По лицу женщины-кошки было видно, что это не простое любопытство и ей действительно важно это знать. Но Майка не представляла, как объяснить другому человеку свои видения. Даже сестре она не рассказывала о них. Да и зачем рассказывать, когда проще нарисовать? Но после недавней вспышки гнева у женщины-кошки, вызванной ее последним рисунком, Майка побаивалась браться за карандаш. К счастью, в этот момент вернулся Маэстро, появление которого избавило Майку от необходимости что-то объяснять.

– Мотодрезины, электрическое освещение, а на деле такой же бардак, как везде! – выругался он. К нему уже спешили дядя Баян и тетя Глори, да и остальные пассажиры проявили заинтересованность. – Короче, дрезину с Новослободской не отправляют, боятся. Вроде бы кто-то слышал какие-то толчки в туннеле с той стороны. Что за толчки, я так и не понял, хотя дежурный диспетчер при мне звонил на Новослободскую. Где-то через час местные обещают отправить свою дрезину на Краснопресненскую, но она небольшая, только на шесть пассажиров. А у нас еще и багаж. Видимо, на какое-то время придется задержаться.

Женщина-кошка недовольно взглянула на него, но Маэстро лишь виновато развел руками.

– Извини, тут я ничего не могу сделать.

Она на секунду задумалась.

– Кто занимается отправкой?

– Диспетчер и занимается. Он сейчас пошел в отстойник, где механики готовят дрезину, но скоро должен вернуться.

– Ничего, я найду, – ответила женщина-кошка и неожиданно подмигнула Майке. – Не волнуйся, я скоро. – Потом повернулась к Маэстро и добавила: – За дочерью присмотрите?

– Разумеется, – ответил он.

– Конечно, присмотрим, – присоединился к нему дядя Баян и взял Майку за руку. Девочка довольно улыбнулась. Еще никогда у нее не было столько взрослых друзей.

Как только женщина-кошка ушла, к Маэстро приблизился один из двух пожилых мужчин, которых Майка помнила еще с бара на соседней станции, где женщина-кошка выбила глаз злому человеку, который хотел забрать Майку. В баре с этими двумя был еще третий в смешном одеянии, похожем на мешок, сшитый из яркой ткани.

– Когда, вы говорите, должны пустить дополнительную дрезину? Через час? – спросил у Маэстро обеспокоенный непредвиденной задержкой незнакомец.

Но его тут же перебила какая-то настырная женщина.

– Про толчки, про толчки скажите. На Новослободской землетрясение, что ли?!

– Типун вам на язык! – осадил женщину человек с пухлым портфелем в руках. До появления Маэстро он нервно прохаживался вдоль путей по краю платформы и всякий раз, возвращаясь назад, с нетерпением смотрел на станционные часы. – Если случится землетрясение, то все туннели завалит, да и станции тоже.

– Мало что ли тех туннелей заваливает, – вставил кто-то. Майка не заметила, кто именно. – Ремонтники не успевают расчищать.

– Так то на окраинах, – возразил мужчина с портфелем. – У нас на Кольце такого никогда не бывало.

– Не бывало, так еще случится! – с непонятным злорадством объявила женщина, интересовавшаяся таинственными толчками. – Откроются адовы врата! И выйдет из них Зверь лютей! И пожрет...

Майке вдруг стало так страшно, что она захотела крикнуть женщине: «Замолчи!» Но ее опередил Баян.

– Прекратите. Вы пугаете ребенка, – строго сказал он.

На тетку тут же зашикали со всех сторон и не дали договорить, а мужчина, рассказывавший о внезапной гибели кур на одной из станций, вдруг вскочил на ноги и грубо толкнул ее в грудь.

– Заткнись, кликуша, или я тебе язык отрежу! – пригрозил он.

– А в Рейхе и отрезают, – совершенно спокойным голосом заметил второй пожилой человек из бара. – У фашистов это называется «профилактика клеветнической пропаганды» или что-то в этом роде. Между прочим, очень эффективное средство.

После его слов испугавшая Майку женщина и сама, видно, здорово струхнула, подхватила с пола свой мешок и рванула с перрона на платформу, хотя никто пока не собирался отрезать ей язык. К тому же Майка не верила, что кто-нибудь из собравшихся на перроне людей вообще на это способен. Кроме женщины-кошки, разумеется.

На какое-то время на платформе наступила тишина, нехорошая тишина. Майка почувствовала, как она буквально навалилась на людей, заставив их замолчать. А потом дядя Баян неожиданно сказал:

– Про толчки я уже слышал. Сталкер один на Театральной рассказывал. Он по Серпуховской ветке за Кольцо ходил, хотел до Севастопольской дорогу разведать. И вот за Тульской в перегоне вибрацию такую странную ощутил. Сперва слабую, он поначалу и внимания не обратил, только почувствовал, что шпалы под ногами как будто дрожат. Потом она сильнее стала, и уже не только шпалы, а и рельсы затряслись. И звук такой, словно что-то огромное по туннелю несется. Ну а когда земля начала осыпаться и вода отовсюду закапала, он про свое дело забыл, развернулся, да обратно на Кольцо и рванул.

– Врет твой сталкер! – сказал, как отрезал, мужчина с портфелем. – Чего на Серпуховской ветке разведывать, когда там все давно разведано. На Севастопольской мощная империя, с Ганзой у нее торговля налажена. Караваны регулярно на Кольцо приходят, новостями обмениваются. Ни на Серпуховской, ни на Севастопольской ни о чем таком никто и слыхом не слышал. Так что и про дрожь, и про вибрацию в туннеле – досужая, безответственная болтовня!

– Может, и болтовня, – не стал спорить Баян. – Только сталкер эту историю рассказывал не для того, чтобы покрасоваться или прихвастнуть. Со страхом рассказывал! Он сам боялся, понимаете? А как дошел до того момента, когда земля начала из всех щелей высыпаться, не только сверху, а и с боков, и снизу, его аж перекосило всего.

– Ложь и клевета! – объявил мужчина с портфелем, да еще и топнул ногой.

Дядя Баян лишь пожал плечами и замолчал, а вот пожилые мужчины из бара выразительно переглянулись. И посмотрели друг на друга так, будто уже слышали подробности этой истории раньше, может, и не один раз.

Майка изучала их лица, когда из туннеля за ее спиной донесся нарастающий гул и рельсы начали мелко-мелко дрожать. Майка с криком отпрыгнула в сторону, но никто из взрослых не последовал за ней, а мужчина с портфелем и непоседливый хозяин кур даже шагнули к краю платформы.

– Ты чего испугалась? – удивился дядя Баян, не удержавший Майкину руку. – Это же твоя мама.

После этих слов девочка заставила себя обернуться, хотя внутри все будто сжималось от страха. К перрону станции, гудя так, что от этого звука закладывало уши, подъезжала чадящая дымом самодвижущаяся платформа. Ею управлял странного вида дядечка в засаленном

черном комбинезоне и здоровенных круглых очках на широкой резинке, закрывающих половину его лица. А позади него, на установленной вдоль этой повозки широкой скамье сидела женщина-кошка, смотрела на Майку настороженно и одновременно ободряюще.

* * *

Остановив дрезину, машинист отключил ревун, но не стал глушить двигатель. И так удалось завестись только с третьей попытки, и машинист не хотел рисковать.

– Четверо по очереди, давайте залазьте! Но сразу предупреждаю, везу только до Краснопресненской! Дальше сами!

Голос машиниста с трудом пробивался сквозь треск неотрегулированного движка, хотя он орал во всю глотку.

– Что значит четверо? Почему четверо? – недовольно обратился к машинисту один из браминов. – Вот человек сказал, что дрезина будет шестиместной!

Гончая сердито взглянула на Маэстро, дернуло же его распушить язык, и начала подниматься со скамьи. Портить отношения с представителями высшей власти Полиса не хотелось – кто знает, чем это может обернуться, но, похоже, брамины не оставили ей выбора. Однако машинист, содействие которого стоило Гончей трофейного револьвера, обошелся и без ее помощи.

– Четверо – значит четверо! – объявил он и прикрикнул на замешкавшихся пассажиров. – Садитесь, мать вашу, я ждать не буду!

На перроне возникла сумятица, потому что к дрезине бросились сразу все, даже продавцы кур, которые подошли позже остальных. К этому моменту Гончая была уже на платформе. Она подхватила Майку на руки, на ходу бросила Маэстро:

– Мы васждемся, – и запрыгнула обратно на дрезину.

Получилось не прощание, а одна видимость. С Баяном вообще не удалось перекинуться даже парой слов, но Гончая надеялась, что они расстанутся ненадолго. По словам водителя, дрезина сразу вернется за остальными, доставив на Краснопресненскую первую партию пассажиров. Таким образом, если не подведет капризный двигатель, то через час, самое большее два, разделившаяся цирковая труппа вновь воссоединится.

Среди рассеявшихся на дрезине счастливцев оказались ганзейский чиновник, единственная еще ожидающая транспорта на перроне женщина в длинном пальто, а вторая за время отсутствия Гончей куда-то подевалась. Сел и тщедушного вида старичок с перетянутой сыромятными ремнями тяжелой котомкой да один из браминов. Второму места не нашлось, но после того как он выразительно погромел патронами в своем кошелье, у машиниста сразу пробудилось желание ему помочь.

– Возьми дочь на колени, – велел машинист устроившейся за его спиной Гончей.

Она не стала спорить. Майка тоже.

Наконец все кое-как устроились на пассажирской скамье. Машинист собрал с каждого плату за проезд, не забыв включить в нее и стоимость провоза багажа, хотя большинство держали свою поклажу на коленях, потом дернул за рычаги, и дрезина, тарахтя двигателем и нещадно стуча разболтавшимися от времени колесами, медленно покатила вперед.

Гончая не раз путешествовала по Кольцу и пешком, и на дрезине, но впервые оказалась в этом перегоне. Впрочем, он ничем не отличался от тех, в которых ей доводилось бывать. Те же свисающие с потолка тусклые лампочки, те же голые стены, обрывки истлевших и изгрызенных крысами кабелей, рельсы да шпалы. Лампочки, которые Ганза развесила в перегонах по всей Кольцевой линии, практически ничего не освещали, а лишь немного рассеивали темноту, поэтому в туннелях стоял вечный полумрак. Но главное назначение лампочек заключалось не в этом. Пятнышки света, довольно часто выплывающие из темноты, даже у самых отъявлен-

ных скептиков и законченных пессимистов вызвали ощущение надежности и безопасности Кольцевой линии, окончательно убеждая в величии и процветании Ганзы.

Майка, для которой все было в диковинку, изумленно таращилась на каждую горящую лампочку, а потом провожала ее таким же восхищенным взглядом.

– Их здесь столько, – шепотом сказала она. – Больше, чем у нас...

«Прикуси язык», – захотелось сказать Гончей, пока девочка не разболтала всем название своей родной станции. Выручил болтливый ганзейский чиновник, включившийся в разговор.

– Светильники развешаны через каждые сто метров, – авторитетно заявил он. – Очень удобно. Если их считать, то всегда знаешь, сколько проехали, а сколько еще осталось.

– А пешком люди здесь ходят? – тут же спросила у него неугомонная девочка.

– Зачем пешком? – удивился чиновник. – Есть же дрезины. Вот, например...

Привести свой пример он не успел, потому что появившаяся впереди очередная лампочка неожиданно погасла. И видимо, не только она, потому что дрезину сразу со всех сторон окутала темнота. Кто-то из сидящих позади Гончей испуганно ахнул, а машинист смачно выругался и, судя по звуку, сплюнул на пути.

– Спокойствие, граждане! – громогласно объявил ганзейский чиновник. – Это временные проблемы с освещением, сейчас они будут устранены! Вот сейчас!

Он скорее пытался успокоить не остальных пассажиров, а самого себя и, похоже, искренне верил, что через секунду или две лампочки в туннеле вновь загорятся. В отличие от чиновника Гончая совершенно не видела причины для беспокойства. Оглашая туннель треском дизеля и стуком колес, дрезина по-прежнему катила вперед. Вот если бы отказал двигатель, тогда действительно имело бы смысл переживать, а так...

Неожиданно Майка дернулась у нее на коленях и изо всех своих детских силенок обхватила руками за шею. Не то внизу под ногами, не то над головой что-то ухнуло. Или сначала ухнуло, а уже потом Майка повисла у нее на шее? С потолка на пути посыпались куски бетона.

– Пригнись! – крикнула девочке Гончая, и сама наклонилась вперед, закрывая ее собой.

Здоровенный обломок врезался в землю слева от дрезины. Если бы он упал чуть правее, то раздавил их обеих в лепешку.

– Лезь под лавку! Живо! – прокричала Гончая в ухо Майке и, кое-как оторвав ее руки от себя, принялась заталкивать девочку под скамью.

А вокруг свистели, разбивались о шпалы и друг о друга отваливающиеся от потолка все новые и новые куски. Одна из отколовшихся глыб угодила в заднюю часть грузовой платформы. Дрезину перекосило, ее передние колеса взлетели вверх, какое-то время они медленно, словно нехотя, вращались в воздухе, а потом рухнули вниз, но не попали на рельсы, а запрыгали по шпалам. Гончая почувствовала, что дрезина неумолимо кренится в сторону, постепенно заваливаясь набок. Она выдернула из-под лавки забившуюся туда Майку и, когда девочка снова обхватила ее руками, отпрыгнула в сторону подальше от раскачивающейся платформы.

Ей удалось приземлиться на ноги и пробежать несколько метров вперед, гася набранную скорость, и то лишь потому, что маломощная нагруженная дрезина ехала достаточно медленно. Потом башмаки увязли в раскисшей земле, и Гончая с девочкой на руках полетела лицом в грязь. Пропитавшаяся влагой земля смягчила падение, что позволило избежать травм, а на перепачканную одежду сейчас даже и не стоило обращать внимания.

– Цела? – первым делом спросила Гончая у Майки, поставив ее перед собой и ощупывая скользкими и грязными пальцами шею, спину и руки девочки.

Майка сначала неуверенно кивнула, а потом добавила:

– Цела.

Гончая тоже не нашла у нее повреждений, но на всякий случай поинтересовалась:

– Точно? Ничего не болит?

– Точно. – На этот раз Майка ответила быстрее, и она облегченно выдохнула.

Обвал вроде бы закончился, во всяком случае, Гончая больше не слышала грохота падающих камней. Кто-то глухо стонал, кто-то ругался, но эти звуки вовсе не пугали. Гончая отыскала трофейный фонарь и включила его. Внутри сумки он даже не испачкался.

Первое, что она увидела, это перевернутая дрезина, лежащая поперек путей. Рядом с ней стоял раскачивающийся машинист и бессвязно ругался. Если судить по уцелевшему, не рваному комбинезону, он практически не пострадал. Только из рассеченной брови по щеке стекала струйка крови, да и свои защитные очки он потерял.

– Да помогите же! – раздался из темноты голос одного из браминов. Несмотря на происшествие, в голосе его по-прежнему слышались властность и требовательность. Но машинист, к которому обращался брамин, никак не реагировал на эти слова.

Гончая взяла Майку за руку и, освещая себе путь фонарем, двинулась вперед. Когда они проходили мимо перевернувшейся дрезины, девочка неожиданно остановилась.

– Там рука, – шепотом сказала она.

Действительно, из-под дрезины торчала мужская рука с растопыренными, сведенными предсмертной судорогой пальцами. Гончая сразу узнала ее. Это была рука ганзейского чиновника, который на скамье сидел рядом с ней. Где-то должен быть и его портфель! Но об этом можно подумать позже.

– Ему уже не поможешь. Идем.

Майка подчинилась. Как и прочих детей метро, часто видящих смерть, в том числе и своих близких, ее не шокировали обезображенные мертвые тела, а если немного и пугали, то она успешно справлялась со своим страхом.

Навстречу им вынырнул из темноты взывавший о помощи брамин. Он сильно хромал и одной рукой размазывал кровь по разбитому лицу, другой указывал куда-то в глубину туннеля. Увидев перед собой женщину с маленькой девочкой, на секунду замешкался, но потом, очевидно, сообразил, что больше ему никто не поможет, и повторил:

– Помогите. Моему коллеге ногу раздробило камнем.

Он попытался жестами объяснить, что произошло, но Гончая остановила его.

– Показывай!

Обойдя несколько треснувших и относительно целых каменных глыб, они вышли к телу второго брамина. Он был жив и пока в сознании, но для него, пожалуй, было бы лучше лишиться чувств. Его правая нога ниже колена представляла собой сплошное кровавое месиво, из которого торчали обломки раздробленной кости.

– Что же вы стоите? – обратился к Гончей первый брамин. – Делайте что-нибудь! Помогите!

Помочь его коллеге могла только немедленная ампутация, да и то вряд ли. Но Гончая не обладала хирургическими навыками, да и необходимых инструментов под рукой не имелось.

– Так вы будете помогать?! – сорвался на крик товарищ раненого.

«Чем?» – хотела спросить у него Гончая.

Но ее остановил голос лежащего на земле умирающего человека.

– Оставь. Бесполезно. Это конец, – прошептал он.

Его брюки, сшитые из добротной плотной ткани, даже левая штанина, насквозь пропитались кровью. Гончая не сомневалась, что кровью пропиталась и вся земля под ним. Умиравший уже не мог шевелиться, а сил хватило лишь на страдальческий взгляд в ее сторону.

– У вас есть пистолет?

Вопрос прозвучал неожиданно, и неожиданно для себя Гончая не смогла сразу ответить «нет». А потом солгать человеку, который, несмотря на чудовищную боль, так достойно встречал приближающуюся смерть, стало еще сложнее. Может, это происходило из-за девочки, цеплявшейся за руку, а может, что-то случилось с ней самой.

Не разжимая губ, она медленно кивнула.

– Сделайте это для меня. Прошу, – прошептал умирающий.

Гончая выпустила Майкину ладошку, стремительно нагнулась и, приподняв штанину, выдернула из пристегнутой к щиколотке кобуры спрятанный «макаров». Ее глаза на мгновение встретились с глазами смертельно раненного человека. Он исчерпал остаток сил и лишь благодарно прикрыл веки, но все было ясно и без слов.

Гончая спустила курок. Гулко ударил выстрел, прогоняя сковавшую тело боль. Майка, наблюдавшая всю сцену от начала до конца, даже не шелохнулась, а коллега застреленного брамина вдруг сорвался с места и, сильно припадая на поврежденную ногу, заковылял прочь. Возможно, решил, что она собирается за компанию пристрелить и его. Гончая не стала его переубеждать: пусть думает что хочет. Она спрятала пистолет обратно в потайную кобуру и снова взяла Майку за руку, но когда потянула ее за собой, девочка не двинулась с места.

– Здесь должны быть еще люди.

Гончая вздохнула. Должны. Как минимум двое. Пока они пробирались сюда между разлетевшихся по туннелю каменных глыб, она слышала еще чьи-то стоны, но после выстрела все звуки смолкли.

– Их надо найти.

Гончая снова вздохнула. Искать выживших, возможно, покалеченных и тяжело раненных людей не хотелось. Если бы не Майка, она бы ушла, предоставив выживших самим себе, не задумываясь. В метро выживает тот, кто может, а кто не может – нет. В другой формулировке это же правило гласило: «Живи и дай умереть другим». И она всегда следовала этому принципу. Но Майка, как видно, считает иначе. Или ей никто не объяснил главный принцип выживания, или малолетняя дуреха отвергла его. Но девчонка вовсе не дуреха. Тут дело в другом.

Не дождавшись ответа, Майка дернула ее за руку.

– Идем.

И хотя Гончая понимала, что девочка зовет искать раненых, а не торопится убратсья с места крушения, последовала за ней.

* * *

Ехавшей на дрезине женщине тоже здорово досталось, хотя и не так, как застреленному Гончей брамину. Рухнувший обломок рассек ей руку от плеча до кисти, но сами кости остались целы. Гончая оторвала разодранный рукав, замотала рану подходящей тряпкой и перетянула предплечье женщины поясом от ее пальто. Та пребывала в шоке, негромко постанывала сквозь стиснутые зубы и сокрушенно качала головой, но, похоже, вовсе не из-за искалеченной руки, а из-за безнадежно испорченной одежды.

Седьмого пассажира, старичка с котомкой, найти так и не удалось. Или его погребли под собой рухнувшие обломки, или он остался с другой стороны завала, в который, в конце концов, уперлась Гончая, продвигаясь по туннелю в сторону Белорусской. Майка повсюду неотлучно следовала за ней и даже немного помогла перевязать женщине раненую руку.

На обратном пути они увидели в туннеле яркий свет и услышали человеческие голоса. Гончая тут же погасила свой фонарь, но уже первые фразы подтвердили, что люди не представляют опасности.

– Обвал, сразу видно.

– Хорошо бы без завала обошлось.

– Шпалы, может, и несколько рельсов заменить придется.

– Давай, Шериф, гляди. Да мы делом займемся.

– Тут как посыплется сверху! Справа, слева, на пути, потом на дрезину! За малым башку не разнесло! Вот так пролетело...

Гончая узнала машиниста. Остальные голоса, судя по всему, принадлежали ремонтникам Ганзы. Настораживало только обращение «Шериф». Держась в тени, она приблизилась к группе мужчин, собравшихся возле перевернувшейся дрезины. Чуть дальше на путях стояла еще одна дрезина, на которой, очевидно, и прибыли ремонтники.

– Больше выживших нет? – требовательно спросил один из них.

Его голос показался Гончей знакомым. Молодой голос! Вот бы взглянуть парню в лицо.

– Еще одна баба с дочкой была, – сдал ее машинист. – Туда пошли.

Гончая решила, что если будет скрываться и дальше, это может показаться ремонтникам подозрительным. Она взяла Майку за руку и вышла на свет. Мужчины тут же направили на нее лучи своих фонарей, но, разглядев перепачканное грязью лицо и одежду, отвели фонари в сторону. Все, кроме одного.

– Вы тоже с дрезины? – спросил тот же голос, что разговаривал с машинистом.

Гончая кивнула.

– Что делали в туннеле?

Человек держался как старший, хотя, судя по голосу, был моложе остальных. Кстати, и ремонтники обычно не задают таких вопросов!

– Искали других пассажиров, – честно ответила Гончая.

– Нашли?

– Да, мертвого мужчину и женщину с раненой рукой.

– Эту? – молодой человек указал лучом своего фонаря на подъехавшую дрезину. Там Гончая увидела оставшуюся без рукава, но не лишившуюся руки тетку. А кроме этого, что было гораздо важнее, она заметила автомат со сложенным прикладом, висящий на правом плече человека с фонарем. Больше оружия ни у кого не было, и это только подтвердило, что этот незнакомец вовсе не ремонтник.

– Да.

– Это вы ее перевязали? – Голос молодого человека немного потеплел.

– Я.

– Старикан еще был с баулом, – не к месту вспомнил машинист. – Он с краю, последним сидел.

– Видели его? – спросил у Гончей мужчина с автоматом.

– После обвала нет. Там дальше завал на путях.

– Мы пойдем глянем, Шериф? – обратился к молодому человеку один из ремонтников, подтвердив догадку Гончей относительно его имени.

– Позже, – не повышая голоса, ответил Шериф. Последнее означало, что бригада слушается его беспрекословно. – Забыли, что в перегоне между Парком и Октябрьской случилось?

Гончая насторожилась. О происшествии в туннеле между Парком Культуры и Октябрьской она ничего не слышала, но обстановка сейчас не располагала к расспросам.

– А чего там случилось? – выручил ее машинист.

Ремонтники молча уставились на Шерифа, и тот после недолгих раздумий сказал:

– Нападение. Два дня назад с Октябрьской шла грузовая дрезина с товаром. Вот на нее и напали. На первый взгляд – твари. Все в крови, на телах охранников раны от зубов и когтей, оружие не тронут. Но товар пропал! А зачем тварям товар? Стали разбираться, вот в одном из трупов хирург пулю и нашел, которую нападавшие проглядели. Они остальные пули вырезали, поверх еще раны железными крючьями нанесли, чтобы на мутантов нападение списать, а одну пулю пропустили.

Упоминание о найденной в трупе пуле заставило сердце Гончей тревожно забиться в груди.

– Кто ж это сделал? – вскинулся машинист.

– Разбираемся, – коротко ответил Шериф.

– Не, – покачал головой один из ремонтников. – Здесь другое. Обвал он и есть обвал. Во, глядите.

Луч его фонаря пробежал по лежащим на путях бетонным обломкам и, скользнув вверх, уперся в расходящуюся трещину на своде туннеля. Однако убедить Шерифа в естественных причинах происшествия ему не удалось.

– А почему обвал случился? Почему туннель обрушился именно в этом месте и в тот момент, когда здесь проезжала дрезина?

Никто не нашел, что ответить. Гончая тоже промолчала, хотя в своей жизни сталкивалась и с более подозрительными совпадениями.

– А вот это уже интересно! – заметил Шериф и устремился вперед.

Он обошел перевернувшуюся дрезину, прошел мимо Гончей, царапнув по ее лицу оценивающим взглядом, и остановился возле нагромождения выпирающих из земли растрескавшихся кусков бетона с вывороченными шпалами и выгнутыми дугой рельсами. Рядом лежал застреленный Гончей брамин, но ни Шериф, ни присоединившиеся к нему ремонтники даже не взглянули в сторону трупа.

– Что скажете? – спросил Шериф.

Пожилый мужчина, который только что посчитал обвал туннеля обычным делом (Гончая решила, что он в бригаде ремонтников старший), озадаченно потер подбородок. Один из его напарников уперся ногой в торчащий из земли бетонный обломок, стараясь сдвинуть его с места, и когда это не удалось, изумленно сказал:

– Стяжку снизу как будто выдавило. Да еще вместе со шпалами! Какая же сила для этого нужна?

Свой вопрос он адресовал бригадиру, но тот не спешил отвечать.

– Я боюсь, – раздался в наступившей тишине голос Майки.

– Чего ты боишься, маленькая?

Гончая опустила на корточки и попыталась заглянуть девочке в глаза, но Майка отвела взгляд.

– Этого, – ее дрожащая ручка указала на вал вздыбившихся бетонных обломков.

– Глупенькая, это же просто земля. Ее не надо бояться.

Гончая улыбнулась. Когда-нибудь она расскажет Майке, чего в рухнувшем мире в первую очередь следует остерегаться.

– Нет, не просто! – воскликнула девочка, но никто, кроме Гончей и, пожалуй, Шерифа, не обратил на ее выкрик внимания. Впрочем, и Шериф сразу переключился на бригадира ремонтников, стоило тому открыть рот.

– Уж не знаю, что за сила так изуродовала туннель, но только ни люди, ни звери на такое не способны, – авторитетно заявил тот.

* * *

После этих слов ремонтники повернулись к Шерифу, и тот, словно ставя точку в затянувшейся дискуссии, утвердительно кивнул головой. Закрыв для себя этот вопрос, он все-таки заинтересовался мертвым брамином и, осветив фонарем его лицо, принялся разглядывать крохотную дырочку с запекшейся кровью над переносицей. По мнению Гончей, там совершенно нечего было разглядывать. Уже с первого взгляда все становилось предельно ясно.

– Это я его застрелила, – сказала она. – Он умирал и сам попросил, чтобы не мучиться. Его спутник может подтвердить, он все видел.

Реакция Шерифа удивила. Он даже головы не повернул в ее сторону, только кивнул.

– У него были при себе какие-нибудь вещи?

– Никаких.

Новый кивок.

– Вы обыскивали тело?

– Нет.

– А ваша девочка?

– Она не обыскивает мертвецов. – Слова слетели с губ раньше, чем Гончая сообразила, что своей фразой практически выдала себя.

Шериф снова задумался, но его размышления были прерваны появлением машиниста.

– Там это... баба, которая с рукой, сознание потеряла.

Шериф повернулся к машинисту, но спросил совсем о другом:

– Вы собрали весь багаж пассажиров?

– У бабы с рукой чемодан, у двоих ничего не было, – начал перечислять машинист. – У этой с дочкой тоже. У того, которого раздавило, портфель. Ну, и баул старикана, который пропал вместе с ним.

– Пошли, – скомандовал Шериф и зашагал обратно к своей дрезине. Ремонтники, машинист и Гончая с Майкой двинулись следом.

Возле дрезины он остановился, посветил фонарем на обмякшую женщину в изодранном пальто, на наваленные кучей инструменты: ломы, кирки и лопаты и стоящие отдельно вещи: потертый чемодан еще довоенных времен и портфель ганзейского чиновника. В отличие от попавшей под обвал дрезины, которая сейчас лежала на путях вверх колесами, транспортное средство ремонтной бригады не имело мотора, скамьи и вообще каких-либо пассажирских сидений, только рычаги ручного привода торчали в середине грузовой платформы.

По команде бригадира работники живо разобрали свои инструменты, а Шериф снял с дрезины портфель и чемодан и скомандовал вопросительно глядевшему на него машинисту:

– Раненую отвезите на Краснопресненскую и возвращайтесь назад. Я остаюсь с ремонтной бригадой. Личные вещи пассажиров доставлю сам, – после чего повернулся к Гончей и добавил: – Вам с девочкой придется задержаться.

Гончую это не удивило. На его месте любой ганзейский страж порядка, а Шериф явно принадлежал к их числу, не пустил бы к себе на станцию вооруженную женщину, признавшуюся в убийстве.

– Ну, так чего, нам приступать или как? – обратился к нему бригадир ремонтников, когда их дрезина укатила в сторону Краснопресненской.

– Да, начинайте расчищать пути. Только сначала давайте поставим на рельсы этот металлолом, – указал на перевернутую дрезину Шериф. – Поможете?

Последний вопрос адресовался Гончей. Она молча кивнула. Когда все склонились над дрезиной, Шериф, надо полагать не случайно, встал рядом с ней. Наконец она смогла как следует рассмотреть его лицо.

Память не подвела. Это был он, парень из ее грез. Ее короткая, как вспышка выстрела, и опьяняющая, как стакан забористого самогона, но так и не сбывшаяся мечта.

Они встретились на Павелецкой, когда она еще не была ни Гончей, ни Валькирией и даже не задумывалась о своей судьбе. Знала только, что никогда не вернется в смердящее развратное болото Театральной, из которого недавно сбежала. А он еще никакой не Шериф, а просто обычный парень, был одним из защитников Павелецкой, оберегающих станцию от непрекращающихся нападений мутантов, и одним из ее немногих жителей, кого не изуродовала просачивающаяся с поверхности радиация.

Своей отчаянной храбростью, меткостью или везением, а может, всем вместе, он привлек к себе внимание администрации смежной кольцевой станции и увлеченно рассказывал малоизвестной девчонке, что ему, может быть, скоро предложат перебраться на Ганзу. А девчонка слушала его восторженные и немного наивные рассуждения и думала о том, что если бы он

предложил ей бросить все и остаться с ним, разделить его судьбу хоть на Ганзе, хоть здесь на Павелецкой, она бы без колебаний согласилась. Но он так и не предложил. А потом...

Потом ветер перемен унес ее с Павелецкой, и они больше никогда не встречались. Влюбленная девчонка постепенно забыла, что значит любить, и превратилась сначала в Валькирию, а потом и в не знающую жалости и сострадания Гончую. Преследуя свои жертвы, она несколько раз оказывалась и на Павелецкой, не встретив там своего бывшего возлюбленного, решила, что он давно погиб в очередной схватке с атаковавшими станцию хищниками. Почему-то у нее никогда не возникало желания разыскать его или хотя бы точно выяснить дальнейшую судьбу. Может быть, потому, что она еще помнила, как рухнули ее мечты, а может быть, потому, что не хотела (или боялась) услышать подробности его гибели.

И вот сейчас ее бывший парень, возмужавший и заматеревший, стоял рядом с ней в обвалившемся туннеле между Белорусской и Краснопресненской, стоял, ухватившись руками за край перевернувшейся дрезины, и отдавал указания.

– Раз, два...

В отличие от лица голос его мало изменился с той поры. Стал тверже – да, но тембр и интонация остались теми же. Когда-то давно она могла слушать этот голос бесконечно. Наивные девчоночьи мечты. А вот парень добился своего. Но что-то подсказывало Гончей, что юношеский восторг из его голоса пропал навсегда. Впрочем, это было неудивительно. В рухнувшем мире для восторга и радости не осталось места.

– Взя-яли!

Под счет Шерифа ремонтники и присоединившаяся к ним Гончая общими усилиями перевернули опрокинувшуюся дрезину и снова установили на рельсы. Ее топливный бак оказался пробит, а рычаги управления погнуты. Увидев это, старший из рабочих удрученно покачал головой, потом построил свою бригаду и увел в туннель.

– У вас сильные руки, – заметил Шериф, глядя на грязные ладони Гончей.

Он не ошибся. С тех пор, когда эти руки обнимали его, они стали сильнее. Сильнее и грубее.

– Занимаетесь физкультурой?

«А он образован», – мысленно отметила Гончая. Впрочем, он и раньше был далеко не глуп, иначе не влюбилась бы в него так безоглядно.

– В основном – бегаю.

– Бегаете? Где?

А ведь было время, когда он говорил ей «ты» и не задавал таких вопросов.

– Где придется.

Вряд ли Шерифу что-то прояснил ее ответ, но уточнять он не стал.

– Нужно убрать с путей трупы. Поможете мне?

– Разве у меня есть выбор? – усмехнулась Гончая.

Ее вопрос удивил Шерифа.

– Выбор есть всегда.

Вот как? Интересно, что бы он сказал, если бы она произнесла те слова, которые страстно желала услышать от него? Сказал бы, что еще слишком молод и не готов к совместной жизни или что они слишком мало знают друг друга? Впрочем, она никогда не поставила бы его перед выбором. Тогда она была слишком гордой!

А сейчас? – раздался голос девчонки, только что вырвавшейся из болота Театральной.

А сейчас это уже не важно, потому что она больше не та наивная девчонка с радостно колотящимся при встрече с ним сердечком! Она Гончая! Да и он теперь отзывается на другое имя. А ту дуреху, когда-то давно глядевшую на него на Павелецкой влюбленными глазами, он уже и не помнит. И пока они носили и укладывали вдоль стены туннеля тела погибшего брамина и раздавленного дрезиной чиновника, он смотрел на нее подозрительным взглядом

Шерифа, а не глазами парня, встретившего после долгих лет свою прежнюю возлюбленную. Да и любил ли он ее?

– А где спутник этого? – указала Гончая на застреленного брамина, нарушив затянувшееся молчание. – Вы его видели?

Шериф кивнул.

– Это из-за него мы здесь. Прибежал на Краснопресненскую, кричит, в туннеле обвал. Вот нас и послали проверить.

– Значит, он сейчас на Краснопресненской?

– Беспокойтесь, что без него никто не сможет подтвердить ваши показания? – проницательно прищурился Шериф.

– А мне следует беспокоиться?

Шериф неопределенно пожал плечами, и в этот момент неожиданно раздался громкий и по-детски сердитый голос Майки:

– Мама говорит правду! Дяде было очень больно, он сам попросил ее.

Что-то сжалось у Гончей внутри. По ощущению было очень похоже, как сжималось в груди ее сердце, когда она глядела на своего возлюбленного много лет назад. Только сильнее.

«Мама говорит правду! Мама!»

* * *

Майка никак не могла понять, сказала она правду или солгала. Женщина-кошка не хотела убивать умирающего человека, ей было тяжело это сделать, очень тяжело – Майка это почувствовала. Но когда он попросил ее об этом, чтобы избавиться от боли, она заставила себя выстрелить. Так что Майка сказала дяде Шерифу чистую правду. Но она назвала женщину-кошку мамой и в этом солгала! Но весь ужас заключался в том, что защищая женщину-кошку, невозможно было отделить правду от лжи. Женщина-кошка назвала ее своей дочкой, чтобы уберечь от плохих людей. И Майка просто не могла предать ее.

Шериф долго смотрел ей в глаза, но Майка не отвела взгляда, хотя в этот момент ее гораздо больше интересовало, что происходит с женщиной-кошкой. А с той явно что-то происходило. Она даже дышала по-другому, и Майка испугалась, что дядя Шериф тоже это заметит. Он вовсе не был плохим человеком, но женщина-кошка почему-то остерегалась его. И пока она боролась с охватившим ее внезапным волнением, выравнивая дыхание, Майка не отрываясь смотрела на Шерифа, чтобы он случайно не взглянул в другую сторону.

Глаза Шерифа внезапно расширились. И не только глаза. Расширился окружающий Майку туннель. Темнота отступила. И она увидела перед собой стены и белый с пятнами копоты потолок незнакомой станции и молодого дядю Шерифа, обнимающего за плечи худенькую девушку в мешковатой не по росту одежде. Девушка стояла спиной, поэтому Майка не могла рассмотреть ее лица, но почему-то была уверена, что хорошо знает ее. И это было самое удивительное, потому что никогда прежде Майка не видела ни эту девушку, ни эту станцию.

Потом видение исчезло, и все вернулось на место. Майка снова оказалась в темном туннеле, рядом с женщиной-кошкой, а повзрослевший дядя Шериф уже не обнимал свою девушку, а задумчиво и даже, как показалось Майке, грустно смотрел на женщину-кошку.

– Куда направляетесь? – спросил он у нее.

– На Краснопресненскую.

– Можно взглянуть на ваши документы?

Майке показалось, что дяде Шерифу совсем не хочется этого делать. Тогда почему он задал свой вопрос?

– Наши документы находятся у старшего цирковой труппы, которая гастролирует по всему Кольцу. А он сам остался на Белорусской вместе с другими артистами, которым не хватило места на дрезине, – ответила женщина-кошка.

– Вы не похожи на циркачку, – вздохнул Шериф.

– Могу пройтись на руках, постоять на голове, сделать сальто.

– Вот я и говорю: не похожи, – снова вздохнул Шериф.

Женщина-кошка ничего не ответила, дядя Шериф тоже молчал, но тут вдалеке послышался перестук колес и скрип рычагов приближающейся дрезины, и он снова заговорил, но уже совсем другим, энергичным и напористым голосом.

– Сейчас вы пойдете на станцию. Здесь недалеко, если будете быстро идти, быстро и дойдете. Запомните: документы и все остальные вещи вы потеряли во время обвала. Вашего машиниста я задержу здесь настолько, насколько смогу, второй брамин так спешил в Полис, что, скорее всего, уже покинул Краснопресненскую, поэтому на станции никто не сможет опровергнуть ваши слова. Но я не советую вам там задерживаться. Все ясно?

– Да, – быстро кивнула женщина-кошка. – Спасибо.

Шериф отрицательно покачал головой.

– За что? Я ничего не сделал. И я виноват...

– Нет! – перебила его женщина-кошка. – Ты ни в чем не виноват! Прощай.

Она схватила Майку за руку, да так сильно, что Майка едва не вскрикнула от боли, и не повела, а скорее потащила за собой.

– Сколько лет твоей дочери? – крикнул ей в спину дядя Шериф.

– Пять, – ответила женщина-кошка.

Она ошиблась на год, но Майка не стала ее поправлять.

– А где отец?

– Мой папа умер, – обернулась к Шерифу Майка, опередив женщину-кошку с ответом.

Тот снова посмотрел на нее долгим и пристальным взглядом, словно старался запомнить или вспомнить что-то очень важное для себя. А Майка вдруг увидела его в окружении незнакомых людей. Дядя Шериф стоял в центре залитой светом тесной комнаты, за его спиной стояли двое высоких широкоплечих незнакомцев с хмурыми лицами, а третий, сидящий за столом напротив, не такой широкоплечий, но еще более хмурый и рассерженный задавал ему какие-то вопросы. Майка не слышала слов, но почему-то была уверена, что вопросы сидящего за столом сердитого человека касаются ее и женщины-кошки. А сердится человек потому, что дядя Шериф отпустил Майку и женщину-кошку, позволив им уйти.

Это было очень странно, Майка даже растерялась. А потом женщина-кошка снова потянула ее за руку, и возникавшая перед глазами комната вместе с находящимися в ней людьми и бьющим в глаза ярким светом растаяла, растворилась во тьме. Через какое-то время Майка снова увидела перед собой пятно света, хотя уже не такого яркого, как в исчезнувшей комнате, где сердитый человек задавал свои вопросы. Присмотревшись, она поняла, что это просто фонарь, подвешенный впереди приближающейся дрезины.

На дрезине стоял уже знакомый Майке машинист и с натугой качал тяжелые рычаги. Увидев перед собой женщину-кошку, он бросил свое занятие, вытер рукавом вспотевший лоб и завистливо пробормотал:

– Отпустили? А меня, видишь, обратно отправили на расчистку! Будто это мое дело пути разгрести! Даже стакан засадить не дали! Это после такого-то!

Майка живо представила бар, где машинист стакан за стаканом вливает в себя мутную, дурно пахнущую жидкость, рассказывая обступившим его людям о произошедшем обвале. Но в следующее мгновение эту картину сменило другое видение, от которого у Майки мурашки поползли по коже – грязный, забрызганный кровью пол, и на нем белеют выбитые зубы.

* * *

– Дядя машинист, не пейте сегодня. Не надо.

Гончая первой повернулась к Майке, опешивший машинист опоздал на пару секунд. Девочка не отличалась болтливостью и не встревала в беседу взрослых. Пока Майка не заговорила, Гончая была уверена, что она даже не прислушивается.

– Чего? – Машинист вперился в Майку презрительным взглядом. – Мамку свою поучай, а меня не надо.

– Пожалуйста, не пейте. Я вас очень прошу, – повторила Майка.

– Да пошла ты, мелочь! – разъярился машинист. – От горшка два вершка, а туда же!

Если отбросить грубость, мужик был прав на все сто. Гончая дернула Майку за руку, чтобы та замолчала, но тут девчонка выдала такое, отчего Гончая просто окаменела.

– И главное – не показывайте никому пистолет, который получили от мамы!

Про трофейный револьвер, которым Гончая расплатилась с машинистом за поездку, она Майке не говорила. Откуда же та узнала?!

– Да ну тебя, – сердито пробурчал машинист и снова налег на рычаги. Тронувшись с места, дрезина укатила вперед.

– Он не поверил, – всхлипнула Майка, когда удаляющаяся дрезина скрылась в темноте.

Но Гончую сейчас интересовало другое. Она присела на корточки, развернула к себе девочку и заглянула ей в глаза.

– Откуда тебе известно, что я отдала пистолет машинисту?

Майка снова всхлипнула.

– Я видела, как злые люди били его в темном подвале. Там был забрызганный кровью пол, и на нем валялись выбитые зубы. А перед этим дядя машинист сильно напился в баре и хвастался там большим пистолетом, который он получил от тебя.

– Где ты это видела?

– Нигде. Просто видела.

Закрываю глаза и вижу.

– А еще что ты видела?

– Человека, который бил дядю машиниста, – неохотно призналась Майка.

– Как он выглядел?

– Высокий, сутулый, страшный.

«Высокий, сутулый, страшный... Подручный Калгана!» – вспомнила Гончая.

– Он что-нибудь спрашивал?

Майка кивнула.

– Да. Про нас.

– И машинист ему все рассказал?

Молчание. И новый кивок.

Гончая стиснула зубы. Она так и не поняла, откуда берутся странные видения, а девчонка, похоже, и сама этого не знала, но не сомневалась, что Майка говорит правду.

Она действительно видит будущее! И в этом будущем, судя по ее словам, совсем недалеко, избитый калгановским костоломом машинист выложит всем, куда он отвез женщину с маленькой девочкой. Женщину, расплатившуюся с ним крупнокалиберным револьвером – оружием, которое она забрала у зарезанного громилы!

Что произойдет потом, Гончая знала и без Майкиных пророчеств. Как только ремонтники Ганзы расчистят обрушившийся туннель, науськанные Калганом отморозки ринутся по ее следу. Да они и не будут ждать, ведь Белорусскую и Краснопресненскую связывают два туннеля! Получив наводку, эти шакалы сразу бросятся в погоню!

Единственный способ избежать преследования – это вернуться сейчас назад, разыскать в туннеле машиниста, свернуть ему шею и забрать револьвер. Все! Ни Калган, ни его громилы не узнают, куда делась с Белорусской разыскиваемая женщина с маленькой девчонкой. Во всяком случае, не узнают до тех пор, пока они с Майкой не будут уже в безопасности. Но этот вариант имеет один недостаток – благодаря своим способностям про него может узнать Майка! И тогда... Что тогда произойдет и как это повлияет на их отношения, Гончей даже думать не хотелось.

Охваченная внезапным порывом, она снова взглянула девочке в глаза.

– Что нам делать? Ты знаешь?

Майка только помотала головой. Вопрос остался без ответа, но Гончая облегченно выдохнула. Мимолетное наваждение прошло, она снова ощущала себя в привычной среде, где выживание зависело от силы и ловкости, скорости реакции и точности выстрела. Чтобы выпутаться из смертельно опасных ситуаций, мало видеть картинки будущего, для этого надо быть Гончей.

– Помнишь, что сказал Шериф? – спросила она у Майки. Еще хотела потрепать девочку по голове, но вовремя вспомнив про свои грязные руки, остановилась. – Если пойдем быстрее, быстрее доберемся до Краснопресненской.

– А как же дядя машинист? – растерялась девочка.

– Ты его предупредила. Теперь ему решать, как себя вести.

– Но он мне не поверил! – воскликнула Майка.

«Я и сама с трудом верю».

Гончая вздохнула и взяла Майку за руку.

– Тогда это будет ему уроком.

– А если эти злые люди убьют его?

– Убьют? – Гончая задумалась. – Вряд ли. Если бы он упорствовал, тогда могли бы. Но я думаю, он сдаст нас сразу, как только лишится пары зубов.

– Тогда ладно, – улыбнулась Майка. После объяснения Гончей она сразу повеселела.

Вот и пойми эту девчонку!

Глава 5

Пешком

Поначалу Майка шагала бодро, но постепенно начала уставать. Непривычные к хождению по туннелям детские ножки то и дело цеплялись за шпалы. Несколько раз она оступалась и не свалилась на рельсы только потому, что Гончая всякий раз успевала подхватить ее. Девочка не жаловалась, но Гончая слышала, как с каждым шагом дыхание ее маленькой спутницы становится все натужнее и тяжелее.

– Присядь, передохни, – предложила она, и девочка сейчас же плюхнулась на рельсы.

– Я не устала, – с трудом ворочая языком, выговорила Майка и тут же поправилась: – Не очень устала.

Гончая улыбнулась.

– И все же лучше передохнуть. Время есть.

Минуту или больше Майка просто тяжело дышала, потом решила заговорить.

– Скажи, а та станция, куда мы идем, она какая?

– Краснопресненская? – Гончая задумчиво пожала плечами. – Обыкновенная. Как и прочие станции Ганзы. Сытая и... равнодушная.

– Сытая, – повторила за ней Майка и спросила с надеждой в голосе: – А мы сможем там поесть?

– Ты хочешь есть?

Девочка робко кивнула.

Гончей стало нестерпимо стыдно перед ней. Если бы не темнота туннеля, Майка наверняка заметила бы, как она покраснела. Обещала заботиться о девочке, а сама забыла о таких элементарных вещах.

С того момента, как они перекусили в баре на Белорусской, откуда пришлось быстро уносить ноги, прошли уже сутки! Неудивительно, что девчонка проголодалась. Еще Баян угостил ее перед выступлением из своих припасов, но что это за еда? Гончая и сама не отказалась бы от свиного шашлыка или грибной похлебки, но голод не был главной ее проблемой, и она попросту выбросила это из головы, заставив себя не думать о еде. В ее жизни не раз возникали ситуации, когда приходилось по нескольку дней не есть. Но в отличие от нее пятилетняя девочка на такое была еще не способна.

Порывшись в дорожной торбе, Гончая достала кулек с сушеными грибами. Там уже почти ничего не осталось.

– На, подкрепись, – она протянула кулек Майке. Несколько раскрошившихся грибов все равно не могли утолить ее голод, разве что растравить аппетит.

Майка радостно захрустела грибами, но вскоре остановилась и подняла на Гончую вопросительный взгляд.

– А ты?

– А я не хочу.

– Врешь.

– Вру, – не стала спорить Гончая. – Но я сильнее и могу долго обходиться без еды. Я специально тренировалась. Поэтому ешь и набирайся сил. Они тебе еще понадобятся.

– Чтобы дойти до станции? – уточнила Майка.

– Чтобы выжить, – поправила ее Гончая.

Девочка о чем-то задумалась, даже грибами хрустеть перестала, и неожиданно для Гончей спросила:

– Для этого обязательно становиться такой?

– Какой?

– Хищной.

Гончая не оскорбилась и не обиделась. Она бы не обиделась, даже если бы Майка назвала ее злой, жестокой или безжалостной, потому что все это было правдой. Но девочке давно уже пора кое-что для себя уяснить.

– Когда мне было примерно столько лет, сколько тебе сейчас, мир, который я знала, рухнул, – начала свой рассказ Гончая. – А в рухнувшем мире, чтобы тебя не унижали, не вытирали об тебя ноги и не использовали как половую тряпку, приходится драться, порой отчаянно. Это нелегко, но необходимо, если хочешь выжить. Поэтому я и взяла в руки нож, а потом пистолет.

– Когда человек берет в руки нож, он теряет что-то. Вот здесь. – Майка печально вздохнула и коснулась ладонью ее груди.

– Я ничего не потеряла! – воскликнула Гончая. Возможно, ее слова прозвучали резче, чем следовало. Она не хотела пугать Майку.

Но девочка не испугалась, лишь снова печально вздохнула.

– Но ты ведь больше не поешь.

– Зато я...

Гончая замолчала, хотя Майка ждала от нее продолжения. «Могу попасть из пистолета в подброшенную бутылку, содрать скальп или свернуть кому-нибудь шею голыми руками?» Вряд ли все вышеперечисленное можно считать полноценной заменой тому, о чем говорила Майка. И она ведь действительно больше не поет.

Гончая отвернулась.

– Доедай и пошли, – сказала она Майке.

И пока та жевала остатки грибов, постаралась выкинуть из головы растревоженные девочкой мысли. В конце концов, ей это удалось.

Проблема в том, что у них не осталось ни патронов, ни вещей, которые можно было бы продать. Пять завалившихся в кармане пуль не в счет – на Кольце на них ровным счетом ничего не купишь. А патроны нужны. Хотя бы чтобы вымыться, почистить одежду и привести себя в порядок.

Тем временем Майка достала из кулька последний гриб, потом высыпала в рот оставшиеся внутри крошки и подняла глаза на Гончую.

– О чем ты задумалась?

– Не бери в голову, – улыбнулась женщина. Как ни странно, улыбка получилась искренней. – Перекусила? Тогда поднимайся и пошли. Мы уже недалеко.

* * *

То ли от съеденных грибов у Майки и в самом деле прибавилось сил, то ли помогла короткая передышка, но до Краснопресненской они добрались довольно быстро. Майка даже не запыхалась.

Света здесь было больше, чем на Белорусской. Развешанные над платформой ртутные лампы горели в полную силу. Но все это Гончая отметила лишь мельком. Ее внимание сосредоточилось на установленных в туннеле железных воротах, перегораживающих пути. Их створки представляли собой прямоугольные сварные рамы, укрепленные еще и рядами натянутой колючей проволоки. Перед воротами стоял вооруженный автоматом ганзейский пограничник, а позади торчал пока что направленный кверху ствол крупнокалиберного пулемета. Обычно ганзейцы не перекрывали подъездные пути к своим станциям. Лишь особые обстоятельства могли заставить их сделать это.

– Стой! – окрикнул Гончую пограничник. – Кто такая... такие? – поправился он, разглядев, что к вышедшей из туннеля женщине жметя перепуганная девочка.

– Пассажиры с разбившейся дрезины, – не вдаваясь в разъяснения, ответила она.

Такой ответ, видимо, полностью совпал с ожиданиями пограничника. Он забросил автомат за спину, успокоился и даже подобрел.

– Идите сюда.

Гончая с Майкой приблизились. Пограничник был уже немолод и по возрасту вполне годился Майке в дедушки. Он осмотрел их и сочувствующе спросил:

– Вещи-то хоть сберегли?

Гончая, а вслед за ней и Майка отрицательно покачали головами.

– Могло быть и хуже. Недавно вон женщину привезли. Так у нее на одной руке вообще живого места нет. Ладно, идите. – Пограничник слегка приоткрыл створку ворот и, когда Гончая с Майкой проходили мимо него, добавил: – Там бочка с водой на путях стоит. Умойтесь, если хотите.

Гончая благодарно кивнула. Хотя пограничник и не сделал ничего особенного, даже такая забота в рухнувшем мире встречалась крайне редко. Да почти никогда не встречалась. Майка тоже понимала это и не удержалась от слов благодарности.

– Спасибо, дядя.

Примерно посередине между воротами и станционной платформой, слева от путей располагалась сколоченная из досок небольшая будка без крыши, возле которой стояла почти доверху наполненная водой бочка. В воде плавал привязанный к бочке длинным стальным тросом железный ковш. Своей конструкцией деревянная будка больше всего напоминала одноступенчатый унитаз из тех, что возводят поблизости от блокпоста для караульной смены. Заглянув внутрь, Гончая убедилась, что это он и есть, но стоящая рядом бочка и ковш позволяли использовать унитаз и в другом качестве.

Гончая подмигнула Майке.

– Вывоемся? Вода, конечно, холодная. Зато бесплатно.

– А можно? – недоверчиво спросила Майка.

Гончая улыбнулась.

– Тебе же дядя пограничник разрешил. Раздевайся, я тебе полью.

Майка не заставила себя уговаривать. Она тут же нырнула в будку, проворно сбросила с себя одежду и подставила под струю сложенные ковшиком ладошки.

– В дырку не провались, – пошутила Гончая, поливая ее сверху водой из ковша.

Невысокие стенки сколоченной будки позволяли без труда это проделать, но потом Гончая забралась в «душ», сменив Майку, бочка с водой осталась снаружи, а девочка со своим ростом просто не могла дотянуться до верха. Пришлось передавать ковш через открытую дверь. В это время Гончая случайно повернулась, и девочка увидела покрывающие ее спину шрамы. Глаза Майки испуганно округлились, а ковш выскользнул из ее разжавшихся ручек. Гончая успела поймать ковш на лету, но вся вода из него все равно выплеснулась на пол.

– Что это? – прошептала девочка. – Тебя били?

«Били?» Гончая мысленно усмехнулась. Да, ее били. И не раз. Но то, что имела в виду Майка, не подходило под это определение. Шрамы на спине остались от ударов многожильного электрического кабеля, с которого предварительно сняли оплетку. Тот, кто ее избивал, оказался изобретателем. Он очень хотел знать, на кого она работает. А она очень хотела жить и поэтому молчала, так как прекрасно понимала, что умрет сразу же, как только признается.

Устав махать кабелем, палач отложил его и стал пытаться раскаленным железом, пообещав, что сдерет с нее кожу, если она не заговорит. Он бы сделал это в любом случае, потому что вошел во вкус, и она бы все равно заговорила, потому что есть предел боли, которую можно вытерпеть. Но Гончая потеряла сознание, прежде чем палач превратил ее в кусок окровавленного мяса, и он долго не мог привести ее в чувство. Настолько долго, что решил передохнуть и отложить пытку до утра. Очевидно, она выглядела так плохо, что палач и мысли не допустил,

что она способна сбежать. Но ее воля к жизни оказалась сильнее, чем он мог представить, и Гончая все-таки сбежала.

– Кто это сделал? – продолжала допытываться Майка.

Женщина покачала головой.

– Неважно. Его больше нет.

– Ты убила его?

– Не успела. Он умер раньше.

У меня для тебя хорошая новость: твой мучитель благополучно скончался.

Откуда вам это известно?!

Я же тебе говорил: я знаю все, что происходит в метро.

«Выходит, не все. Если бы ты знал все, тебе не потребовалась бы девочка, способная заглядывать в будущее».

Майка хотела еще что-то спросить, но Гончая прервала ее, сунув ковш в руки.

– Хватит болтать. Неси воду. Я уже замерзла.

Девочка исчезла за дверью. Затем снаружи послышалась какая-то возня, а еще через секунду раздался возмущенный Майкин голос:

– Дядя, что вы делаете?

Сердце Гончей пропустило очередной удар. Она резко распахнула дверь. Прямо перед ней стоял ганзейский пограничник, но не тот, что встретил ее и Майку у железных ворот. Этот был моложе, лет тридцати с небольшим, и без оружия. В одной руке он держал ковш, который безуспешно пыталась вырвать у него Майка, вторую опустил на ремень. На Майку он не смотрел, и, судя по тому, как взгляд опустился с груди Гончей на ее впалый живот и ниже, девочка его даже не интересовала.

– Чего надо? – грубо спросила Гончая. Она уже убедилась, что пограничник не представляет опасности. Обычный похотливый мужлан, вздумавший подглядывать за моющейся женщиной.

– Да вот, помочь хотел, спинку потереть. А твоя девчонка кидается. – Он и не думал смущаться.

Вспомнив про шрамы, Гончая непроизвольно усмехнулась. Пограничник истолковал ее усмешку по-своему и оскалился во весь рот.

– Так нужна помощь-то?

Гончая одарила его обворожительной улыбкой.

– Может быть.

Он тут же ринулся к ней, но уперся в выставленную ладонь.

– Шустрый какой! Сначала накорми девушку, а уж потом... – добавила Гончая и многозначительно замолчала.

– Так пошли ко мне! – с готовностью подхватил пограничник. – У меня как раз смена закончилась.

– Тогда жди снаружи, я быстро. И подай воды.

Он понял только последнюю фразу, зачерпнул из бочки воды и полез вместе с ковшом в тесную кабинку. Гончей даже пришлось применить силу, чтобы вытолкнуть его оттуда.

Во время борьбы с самозванным «помощником», она перехватила осуждающий взгляд Майки. И хотя Гончая не собиралась доводить свое обещание до конца, ей все равно стало не по себе от этого взгляда.

* * *

Женщина-кошка шагала рядом, но Майка старалась не смотреть на нее. Женщина-кошка опять солгала и опять сделала это легко и непринужденно. Похоже, ложь вошла у нее в при-

вычку. Почему же тогда Майка не сердится на нее? Может быть, дело в самом солдате, которого обманула женщина-кошка. Солдат не понравился Майке с первого взгляда. С его первого взгляда, которым он уставился на женщину-кошку, когда та раздетая распахнула перед ним дверь туалета. А его слова! Он предложил женщине-кошке помощь, даже отобрал у Майки ковш, якобы для того чтобы поливать ее водой, когда та будет мыться, но в действительности хотел совсем другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.